
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 33 АВГУСТ 1983
СК-5

Единодушную поддержку у советских людей встретило постановление ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС «Об усилении работы по укреплению социалистической дисциплины труда». Горячо одобрили его в коллективе цеха сборки малых трансформаторов Московского электрозавода имени В. В. Куйбышева. Общее мнение: за дисциплину в ответе каждый, создадим вокруг нерадивых, летунов, лодырей, пьяниц атмосферу решительного осуждения и нетерпимости. Никаких поблажек нарушителям дисциплины!

На снимке: начальник цеха В. А. Мельничук (в центре) и рабочие обсуждают постановление.

Фото Э. Эттингера

◀

«А если этот вариант!»

В вузах страны идут вступительные экзамены.

На снимке: группа абитуриентов Московского института инженеров железнодорожного транспорта.

Фото И. Гаврилова

▶

ФОТО НЕДЕЛИ

▶

Баскетболистки сборной команды СССР в шестой раз завоевали первенство мира, которое проходило в Сан-Паулу (Бразилия). В финале они победили команду США со счетом 84 :82.

На снимке — момент атаки советских спортсменок.

Телефото ЮПИ—ТАСС

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 33 (2926)

13 августа 1983

В НОМЕРЕ:

Во время беседы. Фото В. Мусаэльяна и Э. Песова (ТАСС)

ВСТРЕЧА ТОВАРИЩЕЙ Ю. В. АНДРОПОВА И А. КУНЬЯЛА

5 августа Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Ю. В. Андропов встретился с Генеральным секретарем Португальской коммунистической партии Алваро Куньялом, находившимся в Советском Союзе по приглашению ЦК КПСС.

В ходе встречи, проходившей в атмосфере сердечности и дружбы, состоялся обстоятельный обмен мнениями по актуальным вопросам международной обстановки и деятельности КПСС и ПКП.

В центре обсуждения находились вопросы борьбы за мир, предотвращения угрозы ядерной войны.

Было отмечено, что у КПСС и ПКП единые оценки международной обстановки, единое мнение о том, что интересы народов Европы и всего мира требуют энергичного отпора агрессивной политике американского империализма, что необходимо остановить гонку вооружений, оградить человечество от угрозы ядерной войны.

Выразив глубокое удовлетворение характером братских взаимоотношений, сложившихся между КПСС и ПКП, товарищи Ю. В. Андропов и А. Куньял подчеркнули решимость своих партий и далее крепить единство и расширять плодотворное сотрудничество между ними на основе испытанных принципов марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма.

В беседе приняли участие кандидат в члены Политбюро, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев и член ЦК КПСС, помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. М. Александров.

ПОСВЯТИВ СЕБЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ

Маркс, Энгельс, Ленин. Их не меркнущий в веках облик и великий жизненный подвиг во имя счастья человечества не перестают вызывать к жизни множество самых различных публикаций на всех континентах земли.

Одно из свидетельств тому три изящные книжки, выпущенные в Ташкенте Издательством литературы и искусства имени Гафура Гуляма и объединенные общим названием — «Посвятив себя человечеству». Это очерки доктора исторических наук Р. А. Сафарова о жизни и деятельности Карла Маркса, Фридриха Энгельса и Владимира Ильича Ленина.

Краткие, предельно сжатые тексты этих книжек могли, казалось бы, содержать лишь самую минимальную информацию. В действительности же перед нами очерки большого познавательного значения, насыщенные множеством умело и тщательно подобранных и впечатляющих фактов и примеров, в свете которых перед мысленным взором читателя предстает панорама жизни, творчества и борьбы титанов революционной мысли и действия.

Важнейшие, этапные факты революционной деятельности Маркса, Энгельса, Ленина органически сочетаются, например, с отдельными, но особо наглядными и поучительными, чисто человеческими черточками их повседневного бытия. Сердечно рассказано о вошедшей в историю и ничем не омраченной, верной и неразрывной дружбе Маркса и Энгельса, об их отеческом внимании к людям, к соратникам по борьбе за идеалы социализма. Столь же живо и всесторонне обрисован облик Ленина — политического вождя, организатора, теоретика и стратега социалистической революции.

Очерки Р. А. Сафарова, несомненно, заинтересуют читателей, не преминувших отметить и то, что ташкентское издательство имени Гафура Гуляма любовно и со вкусом оформило эти три миниатюрные книжки.

Б. ЛУНИН,
доктор исторических наук

Р. А. Сафаров. Посвятив себя человечеству. (Прометей. Полководец пролетарской армии. Вечно живой). Ташкент. Изд-во лит-ры и искусства, 1982.

НЕ ТОЛЬКО БОЛЬШЕ, НО И ЛУЧШЕ

Это была, прямо скажем, удача. Подъехав к широкому хлебному полю, мы увидели, что по нему, растянувшись косым уступом, надвигаются семь комбайнов. Готовый кадр!..

Главный агроном колхоза Михаил Осипович Пономарь с удивительным для его внушительной фигуры проворством выскочил из «газика» и зашагал поперек поля. Остановился возле копешки соломы, ворошил, доставал уже вытрепанные колоски и вдруг озабоченно заспешил к одному из комбайнов. ЧП! На поле вместе с соломой выбрасывалось невымолоченное зерно. Машина тут же была выведена из загонки, оставшиеся перестроились на ходу, а незадачливый комбайнер, как провинившийся школьник, суетился, позвякивал ключами, отыскивая причину утечки зерна.

— Еще два-три года назад,— сказал агроном,— в газетах много хвалили тех, кто больше намолотил за смену, за сутки... Не понимал и не пойму. Ведь в первую очередь надо смотреть, **как** обмолотил. Забываем порою, что сроки уборки мы сжимаем не для экономии времени, а во избежание потерь! Это — первое условие, без которого все остальное не имеет смысла.

Слова у Михаила Осиповича не расходятся с делами. Соседние колхозы, согласно районной сводке, вырастили с каждого гектара посевов кто 27, кто 31 центнер... и лишь здесь, в колхозе имени Крупской,— 40 центнеров пшеницы.

— С самой весны, как сошел снег, и вот до конца июля у нас не было ни одного дождя... Только зная это, можно представить себе, скольких трудов стоил нам урожай,— говорит Михаил Осипович.— А растерять можно и по зернышку.

Доволен главный агроном колхоза М. О. Пономарь: намолот за 35 центнеров. Фото Н. Козловского.

К уборке готовились тщательно. По первому сигналу все двенадцать колхозных комбайнов были пущены на прямое комбайнирование. Люди сознательно шли на то, чтобы в первые дни или даже часы дать машинам предельную нагрузку по свежему хлебу. Первый день вроде разведки боем, чтобы выявить недостатки ремонта. Если суждено случиться поломке, то пусть она случается как можно скорее... А тем временем косили и косили, укладывая хлеб в валки. И на второй-третий день окончательно отлаженные комбайны начинали свою главную работу — обмолот валков. Им разрешено это делать на второй, да и то пониженной, передаче. Только так можно гарантировать полное вымолачивание зерна.

— Ваш лучший комбайнер Андрей Якимович Шаповал намолотил больше всех, а такие водители, как Петр Васильевич Мегеля или Михаил Дмитриевич Веретенник, больше всех перевезли зерна. Значит, от количества никуда не уйдешь?! — спросил я у Михаила Осиповича.

— Не отрицаю. И все же у нас это делается не за счет спешки. Впереди тот, у кого меньше остановок, поломок, у кого каждая мелочь продумана. Скажем, за две недели жатвы бывает дветри, ну, редко — пять ночей, когда нет росы, когда можно работать и под звездами. Хороший, опытный комбайнер не прозевает такую возможность, не упустит. У него и помощник готов к этому, и машина на ходу, и на душе такой подъем, что сутки-двое без сна не в тягость.

Когда этот репортаж выйдет в свет, в колхозе имени Крупской уже отметят «обжинки», праздник завершения жатвы. Хлеборобам есть чему порадоваться в праздник. За прошлый год хозяйство получило два миллиона рублей чистой прибыли, здесь самая высокая урожайность зерновых в Черкасском районе, самый плодоносный сад, от каждой из семи тысяч овец получено почти по пять килограммов шерсти, а с каждой коровы — четыре тысячи литров молока за год.

Больше двадцати лет возглавляет Яким Иванович Тараненко колхоз в родном селе Яснозорье. За эти годы вывел его из числа самых захудалых — в лучшие, за это время сбор зерновых и овощей здесь возрос в четыре, фруктов — в пять раз, и вполне естественно, что с принятием Продовольственной программы колхозники Яснозорья первыми в районе пересмотрели свои планы на будущее, разработали стратегию и тактику борьбы за то, чтобы к 1990 году поднять урожайность кукурузы до 100, а пшеницы — до 60 центнеров с каждого гектара посевов.

Жатва-83— один из этапов этого плана.

С. КАЛИНИЧЕВ

Черкасская область.

Евгений БОЛОТИН

15 АВГУСТА 1945 ГОДА БЫЛО ЗАВЕРШЕНО ОСВОБОЖДЕНИЕ КОРЕИ ОТ ЯПОНСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ

СТРАНА НА СТРОЙКЕ

Столица Корейской Народно-Демократической Республики сегодня.

Фото А. Яковлева (ТАСС)

Облик Пхеньяна меняется буквально на глазах. Не был я в городе каких-то два-три месяца, и вот, смотрю, уже подпирают небо три новых многоэтажных жилых дома. В сочетании с оригинальными зданиями водно-оздоровительного комплекса Чангванвон, ледового дворца, дворца культуры с его парящими крышами, новые проспекты за набережной Потхонгана с их 20-, 30- и 40-этажными домами стали своеобразной визитной карточкой столицы.

Мне рассказывали, что до освобождения Советской Армией Северной Кореи в августе 1945 года низменная часть Пхеньяна у реки Потхон была истинным позором города. По берегам лепились ветхие строения корейской бедноты, которые нередко страдали от наводнений. Сказать японскому работодателю при найме на работу, что ты из Потхона, значило не получить ее. И сейчас еще старики, жившие с детства в тех местах, по привычке неохотно признаются в этом. Японские колонизаторы строили свои роскошные виллы подальше от берегов Потхонгана и Тэдонгана, на холмах, поросших веерообразными соснами и акациями.

Впрочем, после войны 1950—1953 годов, развязанной американскими агрессорами против народа Северной Кореи, не осталось и следа ни от былых трущоб Потхона, ни от роскошных вилл. На Пхеньян было сброшено свыше 400 тысяч авиабомб, ровно по бомбе на каждого жителя. Древний город был стерт с лица земли, а люди выстояли.

Даже в будни Пхеньян выглядит празднично, что, впрочем, не вяжется с деловой озабоченностью горожан. Если на улице группа людей о чем-то беспечно беседует, то будьте уверены, что это туристы. У пхеньянца нет времени на уличную беседу. Он торопливо шагает на работу или учебу, зачастую с работы на учебу.

Иностранцев порой шокирует чрезмерная, как им кажется, деловитость северокорейцев. Работа — учеба, учеба — работа. А когда же семья, кино, театр или просто неторопливая прогулка под тенью плакучих ив на набережной Тэдонгана? Я не первый год приезжаю в КНДР и знаю, как ответит кореец на этот невысказанный вопрос. Он сошлется на десятилетия угнетения японскими захватчиками, которые вывезли из разоренной страны все, что можно, он вспомнит ужасы американской агрессии, он укажет на юг Корейского полуострова, где проходит по 38-й параллели железобетонная стена, разрубившая родину на две половины...

Нет, еще не решены многие насущные задачи развития промышленности и сельского хозяйства, жилищного строительства, укрепления обороны. Пока еще сохраняется нормирование продуктов питания и некоторых промышленных товаров.

Страна на стройке. И в этом ей помогает советский народ. При технико - экономическом содействии СССР построены десятки промышленных предприятий, шахты, мощные электростанции, портовые сооружения.

Металлургический завод имени Ким Чака, где много лет трудятся советские специалисты, поражает своими грандиозными размерами. Фактически это комбинат с полным циклом металлургического производства. На XVIII заседании советско - корейской Межправительственной консультативной комиссии, состоявшейся в мае нынешнего года, принято решение продолжить расширение и увеличение мощностей завода имени Ким Чака.

Гордость КНДР и Пукчханская теплоэлектростанция. Сейчас в строю уже пятнадцать энергоблоков мощностью по 100 тысяч киловатт, а в конце года начнет действовать и шестнадцатый.

Главный инженер Пукчханской ТЭС Сон Ин Гир с большой похвалой отзывается о работающих на строительстве советских специалистах.

— В моей биографии это не первая стройка,— говорит Сон Ин Гир.— Мне приходилось работать с представителями капиталистических фирм. Скажу вам, капризный народ. Попробуй, например, в аварийной ситуации вызвать представителя фирмы ночью. Он, может быть, просьбу и выполнит, но непременно потребует большой денежной компенсации. Такое и в голову не придет советским специалистам, которые всегда бескорыстно окажут помощь в трудный момент.

В Пукчхане советские люди помогают корейским друзьям строить не только ТЭС, но и первенец алюминиевой промышленности.

Не могу не сказать еще об одной новостройке — Рёнсонском подшипниковом заводе. Его проектирование и строительство осуществляются в рамках технико-экономического сотрудничества наших двух стран. Проектом предусмотрена высокая степень автоматизации всех технологических процессов. Новый завод, который вступит в строй в 1984 году, будет выпускать 10 миллионов подшипников двухсот типоразмеров.

Всем, кто впервые приезжает в КНДР, бросается в глаза ухоженность полей: ровные квадраты рисовых чеков, двухметровые стебли кукурузы, соломенные козырьки над посадками инсама — корейского женьшеня.

VI съезд Трудовой партии Кореи поставил задачу в ближайшие годы увеличить производство зерна до 15 миллионов тонн. Этого можно достигнуть путем повышения урожайности, а также освоения сотен тысяч гектаров новых земель. Но где их взять? Решено отвоевать у моря. На западном побережье Корейского полуострова для этого строятся грандиозные дамбы.

Я побывал в нескольких хозяйствах, где выращивают высокие урожаи на бывшем морском дне. Например, в сельхозкооперативе имени 3 июня в провинции Пхеньан-намдо с каждого из 1100 гектаров получают по 7,3 тонны риса. В этом кооперативе обильно плодоносит фруктовый сад.

Недалеко от города Синыйчжу я знакомился с освоением морских солончаков площадью 8800 гектаров. Каменная дамба высотой в среднем 8 метров и протяженностью 13,5 километра соединила берега бухты с островами Дэгэ, Соен и Качи (осталось закрыть небольшой проран). Насколько хватает глаз, простирается осушенное морское дно. Через два-три года на этих землях будут выращивать богатые урожаи риса и других культур.

— И эти поля, что справа от нас,— говорит главный инженер Рим Сын Гван,— и это прудовое хозяйство также были морским дном. Отвоеванные земли не голый песок, а довольно большая толща ила, что обеспечит высокие урожаи.

Успехи корейского народа в мирном, созидательном труде, в укреплении материально-технической базы социализма радуют друзей КНДР. Советские люди неизменно выступают на стороне правительства и народа КНДР в их усилиях по мирному объединению родины, против присутствия американских войск на территории Южной Кореи. Заключенное в Пханмунчжоме тридцать лет назад соглашение о перемирии так и не стало по вине американского империализма договором о мире. Каждый год проводятся крупномасштабные американо-южнокорейские военные маневры.

Во время маневров я бывал на военно-демаркационной линии, разделяющей север и юг Кореи, видел железобетонную стену, разрубившую страну на две части, слышал орудийные раскаты, доносившиеся с той стороны. Всего лишь в миле от демилитаризованной зоны заложены наземные ядерные мины.

Как писала недавно «Вашингтон пост», Пентагон с августа 1981 года производит нейтронные боеголовки для ракеты «Лэнс» класса «поверхность — поверхность», которые намечается разместить в Южной Корее. Выпускаются также 8-дюймовые нейтронные артиллерийские снаряды, которыми можно стрелять из южнокорейских гаубиц, и разрабатывается новый 155-миллиметровый артиллерийский снаряд с нейтронной боеголовкой. Газета делает вывод, что Южная Корея скорее всего согласится на размещение у себя нейтронного оружия.

Превратив Южную Корею в свой крупнейший военно-стратегический плацдарм на Дальнем Востоке, США, как известно, приступили к сколачиванию милитаристского альянса Вашингтон — Токио — Сеул. В планах пентагоновских стратегов, пишет японский журнал «Гундзи Минрон», Японии также отводится роль крупного кредитора сеульского режима. Под нажимом Белого дома японское правительство в начале года согласилось предоставить Южной Корее займы на общую сумму 4 миллиарда долларов, которые пойдут на оплату военных приготовлений...

Светлое будущее корейского народа завоевано в тяжелой борьбе с японским и американским империализмом. На земле Кореи пролита кровь тысяч советских воинов. Корейский народ свято хранит память о них. На горе Моранбон в Пхеньяне воздвигнут обелиск в честь советских воинов-освободителей. Вокруг него с ранней весны до поздней осени яркими красками полыхают цветы.

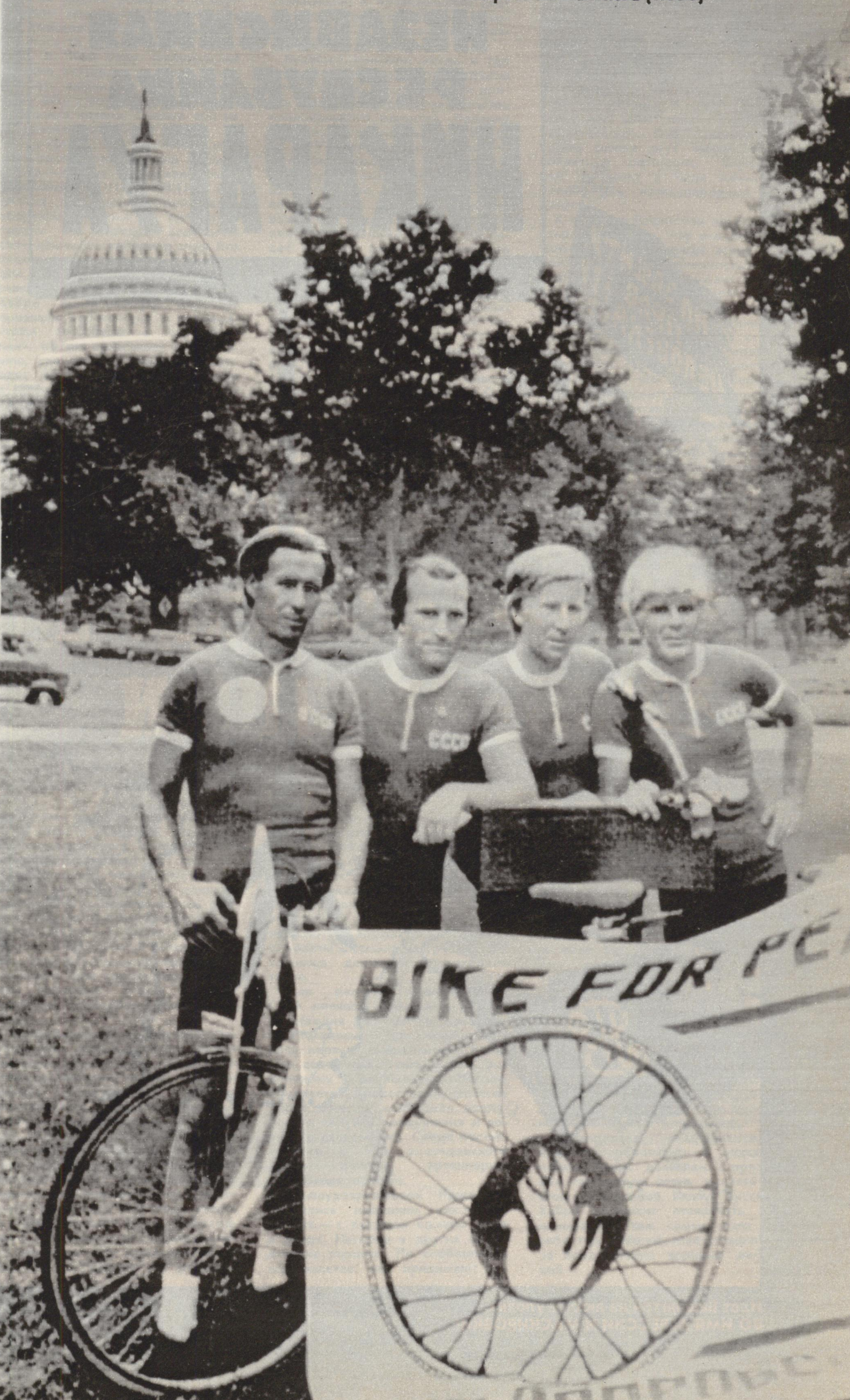
Пхеньян — Москва.

Народы планеты: «Нет войне!»

В Вашингтоне успешно закончился «Велопробег мира-83». Интернациональная бригада спортсменов состояла из советских, американских, норвежских, шведского и финского велосипедистов. Они отправились в далекий путь, чтобы высказаться в защиту мира, против ядерной угрозы.

На снимке: группа советских участников.

Телефото А. Шальнева (ТАСС)

СВОБОДНАЯ
НЕЗАВИСИМАЯ
РЕСПУБЛИКА
НИКАРАГУА

НА ЗАЩИТУ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА!!!

MADE IN USA

ОРУЖИЕ ДЛЯ СОМОСОВЦЕВ

РУКА МОСКВЫ!!!

КОЗНИ КРЕМЛЯ!!!

СОВЕТСКАЯ УГРОЗА!!!

КУБИНСКАЯ УГРОЗА

ЦРУ

Бор. Е.-83.

Идет Вашингтон на любые уловки...
ВО ИМЯ АГРЕССИИ И МАСКИРОВКИ!

Рисунок Бор. ЕФИМОВА
Стихи Ник. Энтелиса

ЧАД: ЕЩЕ ОДНА ПРОВОКАЦИЯ ИМПЕРИАЛИЗМА

Владимир ИОРДАНСКИЙ

современной истории Африки есть немало трагических страниц. Восемь лет продолжалась вооруженная борьба за независимость алжирского народа, унесшая около миллиона человеческих жизней. В начале шестидесятых годов через тяжелейшие испытания проходит Конго, ныне Заир. Несколькими годами позже была вынуждена отстаивать свое единство Нигерия. В гражданской войне, развязанной сепаратистами Биафры — а за их спиной стояли нефтяные монополии некоторых западных держав,— погибло около двух миллионов человек. Середина семидесятых годов ознаменовалась попытками империализма задушить борющийся за свободу ангольский народ.

При любом, даже самом малом шаге вперед африканским странам приходилось и приходится преодолевать ожесточенное сопротивление. Конечно, в каждой из них есть силы, которые враждебны прогрессу и не скрывают надежд на возвращение былых колониальных порядков. И все же главное противодействие они встречают со стороны империализма. В сущности, африканский континент остается ареной напряженнейшего противоборства национально-освободительного движения и сил неоколониализма и реакции. И сегодня в фокусе этого противоборства находится Чад.

Для империалистических держав Чад важен прежде всего с военно-стратегической точки зрения. На севере он имеет общую границу с Ливией, на западе — с Нигером и Нигерией, на юге — с Камеруном и Центральноафриканской Республикой, на востоке — с Суданом. Тот, кто контролирует Чад, может оказывать военное давление одновременно и на арабские страны Магриба, и на страны Западной Африки, и на ее центральные и восточные районы.

Трагедия Чада началась около двадцати лет назад. Ее участниками были, с одной стороны, простые крестьяне и скотоводы, доведенные до отчаяния произволом властей, налогами, всевозможными притеснениями. С другой — правящий режим и стоящие за его спиной неоколониалистские круги Франции. В течение нескольких лет и после предоставления стране независимости Париж все еще сохранял в ее северных областях гарнизоны своего Иностранного легиона.

Первые восстания вспыхнули — и были жестоко подавлены — в 1963 году. Волнениями была затронута и столица Нджамена, тогда еще сохранявшая свое название колониальных лет — Форт-Лами. В 1965 году движение протеста развернулось с новой силой. Из района Мангалме на севере страны оно быстро распространилось на другие области и вскоре приняло такие масштабы, что для его подавления правительство обратилось за содействием к Франции. В 1969 году французская авиация вступила в дело, и повстанцы, лишенные средств защиты от атак с воздуха, понесли значительные потери. Однако они не прекратили борьбу.

Патриотические силы Чада создали свою политическую организацию — Фронт национального освобождения (ФРОЛИНА). Несмотря на участие французских вооруженных сил в операциях против его отрядов, повстанческое движение набирало силы. Его лидером становится Гукуни Уэддей. Молодому чиновнику с парижским образованием Хиссену Хабре правительство поручает провести переговоры с руководством ФРОЛИНА о «примирении», но он примыкает к движению, где вскоре начинает играть одну из ведущих ролей. Однако в 1973 году Хабре порывает с лидером ФРОЛИНА Гукуни Уэддеем и образует собственную военно-политическую организацию.

Годы борьбы ФРОЛИНА за подлинную независимость, за социальную справедливость постепенно подточили основы существующего в стране неоколониалистского режима, и патриотические силы в конечном счете добиваются крупного успеха: в 1975 году группа офицеров свергает правительство президента Томбалбая и приступает к поискам соглашения с повстанческим движением. Но оно оказывается расколотым. Хиссен Хабре выступает против ФРОЛИНА. В момент, когда, казалось бы, открывается возможность для совместного решения встающих перед страной проблем, разгорается междоусобица.

Потребовалось содействие Организации африканского единства, ряда африканских стран, в частности Нигерии, чтобы сформировать правительство, которое пользовалось бы поддержкой большинства населения. 21 августа 1979 года в столице Нигерии Лагосе было подписано соглашение между представителями различных чадских политических течений и группировок, в силу которого 10 ноября 1979 года власть в стране перешла в руки Переходного правительства национального единства под председательством Гукуни Уэддея. Но раскольнические силы, за спиной которых все более явственно прослеживаются интересы империалистических держав, продолжают действовать. 21 марта 1980 года в Нджамене возобновляются военные действия. Хиссен Хабре, занимавший в правительстве пост военного министра, вновь — в который раз! — разрывает соглашение и бежит из страны.

Будущее покажет, когда и где агенты ЦРУ установили контакты с элементами, выступающими против Переходного правительства национального единства. Недавно стало известно, что еще в 1981 году ЦРУ передало им на десять миллионов долларов вооружения. Это наглое вмешательство США во внутренние дела суверенного африканского государства погружает Чад в хаос и анархию. По некоторым данным, около 200 тысяч человек погибло, экономика республики разрушена, сотни тысяч беженцев ищут спасения от вновь вспыхнувшей междоусобицы в соседних с Чадом странах.

Американское вооружение перевесило чашу весов в пользу врагов переходного правительства. Оно оказалось вынуждено покинуть Нджамену, где к власти пришел режим Хиссена Хабре. Однако Гукуни Уэддей продолжает борьбу. Его штаб-квартирой становится северный оазис Бардаи. Среди союзников Гукуни Уэддея не только видные представители северных областей, но и крупные политические деятели юга.

И снова Соединенные Штаты вмешиваются во внутренние дела Чада. Они действуют еще более грубо и нагло, чем в 1981 и 1982 годах. Еще не объявлено решение президента Р. Рейгана об ассигновании режиму Хабре новых десяти миллионов долларов, а на аэродроме Нджамены уже приземляются зафрахтованные ЦРУ самолеты с военными грузами. Их характер держится в глубокой тайне.

Если раньше вмешательство США носило скрытый характер, то сегодня Вашингтон действует не стесняясь. В Нджамене появились первые американские военные советники. Помимо уже выделенных 10 миллионов долларов, намечается предоставить режиму Хабре еще 15 миллионов долларов на закупки вооружения и военного снаряжения. Среди поставленного в Чад американского оружия — ракеты, артиллерия, стрелковое оружие.

В полуразрушенной Нджамене появились наемники, некоторые из них — с богатым опытом боев в Заире, Нигерии и других африканских странах. По сообщениям журналистов, они принимают активное участие в боевых действиях. К тому же было бы неверно думать, что это лишь авантюристы-одиночки, всего лишь искатели наживы и приключений. На самом деле наемники — это удобная форма маскировки военного вмешательства империалистических держав.

Хотя Франция и сама активно вмешивается в происходящие в Чаде события, США явно претендуют там на роль первой скрипки. По подсказке из Вашингтона на стороне режима Хиссена Хабре энергично выступило заирское правительство. Оно перебросило в Чад свыше двух тысяч своих солдат и офицеров. Внутренний конфликт в Чаде начинает приобретать международный характер.

К тому же Вашингтон не делает секрета из того, что его вмешательство имеет прежде всего антиливийскую направленность. Недавно журнал «Африк-Ази» опубликовал статью, в которой показал, что Вашингтон действует в Чаде в соответствии с планом, призванным превратить эту страну в военную базу, чтобы терроризировать соседние государства. Характерно, что свои военные авантюры Вашингтон сопровождает злобной антиливийской кампанией. Под эту пропагандистскую шумиху о неких «агрессивных замыслах» Ливии американский авианосец «Эйзенхауэр» входит в залив Сидра и угрожающе приближается к ливийскому побережью.

Комментируя эти военные приготовления, видная индийская газета «Хиндустан таймс» говорит о возвращении дипломатии канонерок. Ее обозреватель пишет, что Рейган вновь намерен использовать военную силу.

В этой напряженной обстановке огромный резонанс в Африке вызвало Заявление ТАСС, в котором содержится решительное осуждение гегемонистских притязаний США, их противоправных, угрожающих миру действий. Кто дал право Соединенным Штатам и тем, кто действует заодно с ними, попирать суверенитет независимых стран, вмешиваться во внутренние события, происходящие за тысячи километров от США! Этот вопрос повторяют сегодня многие на африканском континенте.

Организация африканского единства обратилась к чадским политическим деятелям с призывом прекратить огонь и сесть за стол переговоров. Режим Хиссена Хабре поспешил отвергнуть эту инициативу, тем самым взяв на себя тяжелейшую ответственность за продолжение военных действий.

ДЕЛА УШЕДШИХ ПРОДОЛЖАЮТСЯ

ЧИТАТЕЛИ О РОМАНЕ ЛАРИСЫ ВАСИЛЬЕВОЙ «КНИГА ОБ ОТЦЕ»

«Почему эта книга вызвала у меня особый интерес?— пишет Н. А. ГРИГОРЬЕВА из Люберец.— *Сразу все вспомнилось. Сорок первый год. Война. Вместо передовой мы посещали курсы ПВО, день я работала за прилавком в магазине, а ночь дежурила на чердаке. Москва эвакуировалась, пустела, только и слышен был в те дни один разговор: завтра грузимся, едем на восток, на Урал. Мои покупатели отоваривались у меня в последний раз. Я ушла в армию и в годы войны часто думала о них: как они там, на Урале куют победу. Спасибо, Лариса, за роман, я увидела в нем тыл».*

«Читая роман о нелегкой и славной жизни создателей замечательных танков, мысленно уносимся мы в годы тяжелой военной поры, которая жива в нашей памяти. Нам близки и понятны чувства, стремления, высокий патриотизм и самоотверженность героев фронта и тыла военных лет. Жива в нашей памяти и печаль неудач первых лет войны и радость победы. Мы должны сохранить для потомков образы таких замечательных героев книги, как Кочерно, Векшин, Холодов, бабка Рита и другие. В невероятно тяжелых условиях такие люди выковали оружие для советских солдат, сражавшихся на фронте».

ПИСАРЕВЫ — Григорий Иванович, участник Великой Отечественной войны, и Мария Павловна, работница оборонного завода в годы войны.

Память. Ее всколыхнула «Книга об Отце» Ларисы Васильевой, напечатанная в «Огоньке» в октябре—декабре минувшего года. Люди разных поколений по-разному откликаются на роман, но все говорят о памяти. Вот что пишет Валентина СЕРКО из Челябинска:

«По-моему, это не книга об отце, а книга об отцах и детях. Даже внуках. Насколько силен сам герой, настолько слаба его дочь, Инна, а уж внук и подавно. У автора, наверно, была мысль противопоставить поколения. Если так, то мне обидно за тех, кому сейчас между сорока и пятьюдесятью. У нас не было войны, но наш мир тоже не был легким. Следовало бы поярче обрисовать Инну. Ведь если задуматься, она права, я ее понимаю, сама я — дочь труженика тыла, он всю жизнь отдал заводу, знаете, как обидно ему, когда его забывают. Он молчит, но я-то вижу!»

Валентину Серко дополняет подполковник медицинской службы запаса А. И. СЕНКЕВИЧ из Таллина:

«Простые советские люди, вышедшие из гущи народа, пережившие все невзгоды своего времени, скромные и «незаметные», сделавшие столько для Родины и для других людей, должны быть описаны в художественных образах. Считаю, что такая публикация интересна, полезна — необходима. Мне пришлось пережить горькое детство, войну, оккупацию фашистами Белоруссии. Когда, выйдя из леса, мы, живые, увидели свои танки, ликованию не было конца. Думаю, это были танки, сделанные людьми, похожими на тех, о которых пишет Лариса Васильева. В память своего отца, офицера-медика, погибшего под Москвой в 1941 году, я продолжил его дело. Сын мой тоже военный врач. Память и дела ушедших продолжаются».

Сопереживание, интерес к характерам, активное отношение к героям, восприятие их как живых людей — эти черты свойственны каждому внимательному читателю. Недаром, наверно, есть такая шутка: «Чтобы понять — есть талант у писателя или нет, нужно быть талантливым читателем».

Сегодня читатель не просто оценивает произведение, мол, нравится или не нравится. Он пытается разобраться не только в поворотах сюжета, но и во внутренней структуре произведения и каждого образа. Пенсионер из Казани Ф. САЛЬПОВ утверждает:

«Автор делает главным героем не Главного конструктора для того, чтобы подчеркнуть главную мысль произведения, отчетливо выраженную в словах совсем уже не главного героя Степана Шапошникова: «Танк сделало так много народу... я уж, простите, всех перечисляю, а то имена уйдут в безвестность, так хоть в стенограмме останутся. Нельзя все приписывать одному, двум человекам, стыдно, нечестно и больно тем, кого забыли. Годы ушли, а поверьте — еще больнее...»

Обеими руками подписываюсь под этими словами! Еще больнее!!»

«Мне нравится, что в книге положительные герои не выглядят как схема. У них есть и недостатки, поэтому герои получились живые. Так, например, Катерина. Она хороший человек, предана мужу, умна, даже мудра. Но как же в ней видна легкомысленная женщина, типичная жена ответственного работника! В короткой сцене, когда Катерина приходит навещать больного Векшина, его суровая, строгая жена выглядит намного выше, значительней и красивее белокурой красавицы Катерины. Она великодушно утешает Катерину, хотя горе-то настоящее как раз у нее».

Ш. ИВАНОВА.

Смоленск.

Среди писем есть и такие, где читатели спорят с автором, предлагают свои варианты окончания книги. Но более всего в почте, пришедшей на «Книгу об Отце», привлекает спор, который незримо возник между читателями. Они о нем и не подозревали. Вот мнение В. ГЕРАСИМОВА из Москвы:

«Впервые пишу в редакцию журнала, находясь под впечатлением от прочитанного. Удача автора очевидна. Живо представляются герои и время. Думаю, что для большинства читателей книга будет иметь не только художественную ценность. Будучи художественной, книга построена как документ, именно это придает ей достоверность».

Ему словно возражает А. ЛЕОНОВА из Мытищ:

«Я сама была причастна к тому, о чем пишет автор. Называя «Книгу об Отце» романом-воспоминанием, Л. Васильева оставляет за собой право воспроизводить и описывать события не так достоверно, как если бы это была документальная повесть. На месте Васильевой я бы написала документальную повесть о людях конкретных, причастных к созданию конкретной машины».

А вот мнение читателя, настроенного целиком на документ:

«При подготовке романа к отдельному изданию целесообразно упомянуть и о конструкторах оригинального и надежного двигателя, без которого невозможно было бы получить столь высокие по тем временам боевые свойства танка, а также наладить его массовый выпуск в годы войны».

В. ШЕЛИН, военнослужащий.

Кубинка.

И, наконец, недоуменный отклик:

«Я ехала в электричке. Женщина рядом читала в «Огоньке» «Книгу об Отце» Васильевой Ларисы, она сказала, что знала главного героя книги и он совсем не такой, как в жизни. И вообще в книге много вымысла. Скажите, где кончается вымысел и начинается жизнь, и наоборот?..»

Е. ЗАРУБИНА, студентка.

Калязин.

Эти отзывы мы показали автору книги и попросили, если возможно, разрешить спор. Итак, слово Ларисе Васильевой:

— У меня есть одно наблюдение: чем дальше уходит от нас время войны, тем острее мы ощущаем его. Разве в первые послевоенные годы люди переживали войну с той щемящей печалью, с какой вспоминают ее теперь? Мысль написать художественное произведение о времени отцов давно не давала мне покоя. Тем более что каждый день приносил грустную новость — еще один ушел... Ближе всего мне была жизнь танкостроителей. Но если писать о них, как предложила мне А. Леонова из Мытищ, документальное произведение — о М. И. Кошкине, А. А. Морозове, Н. А. Кучеренко, о заводе, делавшем танки в годы войны,— значит становиться не самой собою. Документальные книги, статьи, очерки на эту тему написаны уже и будут писаться впредь специалистами. Помнила я и Крылова: «Беда, коль пироги начнет печи сапожник, а сапоги тачать пирожник». Так окончательно утвердилась мысль о романе. Я многое вспоминала, разговаривала с людьми, знавшими моих близких, и, как говорится, собирала материал. Но ясной картины не было. Все решил разговор с одной женщиной, дочерью конструктора-артиллериста:

— Хожу к разным людям, расспрашиваю о своем отце, как будто боюсь потерять память о нем. Не сплю ночами — думаю, как сделать, чтобы образ его не ушел в песок. Какой был человек! Хотите, расскажу? А вы-то сами что сидите?! Ваш отец тоже... Сколько таких отцов. Напишите роман о таком человеке. Собирательный образ. И не только о нем. Напишите о тех, кого нельзя забывать. О великих и обыкновенных. Берите мои материалы. Хотите, буду помогать, чем могу?

Она не знала, что уже помогла мне. Дала сюжет. Герои не замедлили явиться. Они вели себя так, как всегда ведут себя литературные герои; сами диктовали мне те или иные свои качества. Так, Катерина имеет некоторые черты моей матери, моей тетки, а более всего красавицы тех лет Елены Павловны Страховой. Образ же Николая Кочерно — обобщенный образ положительного героя.

Письма, которые я получаю в связи с публикацией «Книги об Отце», очень волнуют меня. В них далеко не только похвалы, которые сами по себе, конечно же, приятны. Карл Маркс когда-то заметил: «...поэт — каков бы он ни был как человек — нуждается в похвалах...»

Наверно, это касается не только поэта, но и прозаика и вообще любого человека, за небольшим исключением, лишь подтверждающим правило.

Должна сказать, что серьезные, «размышляющие» письма мне особенно дороги. Бывают отклики и огорчительные, как же без них.

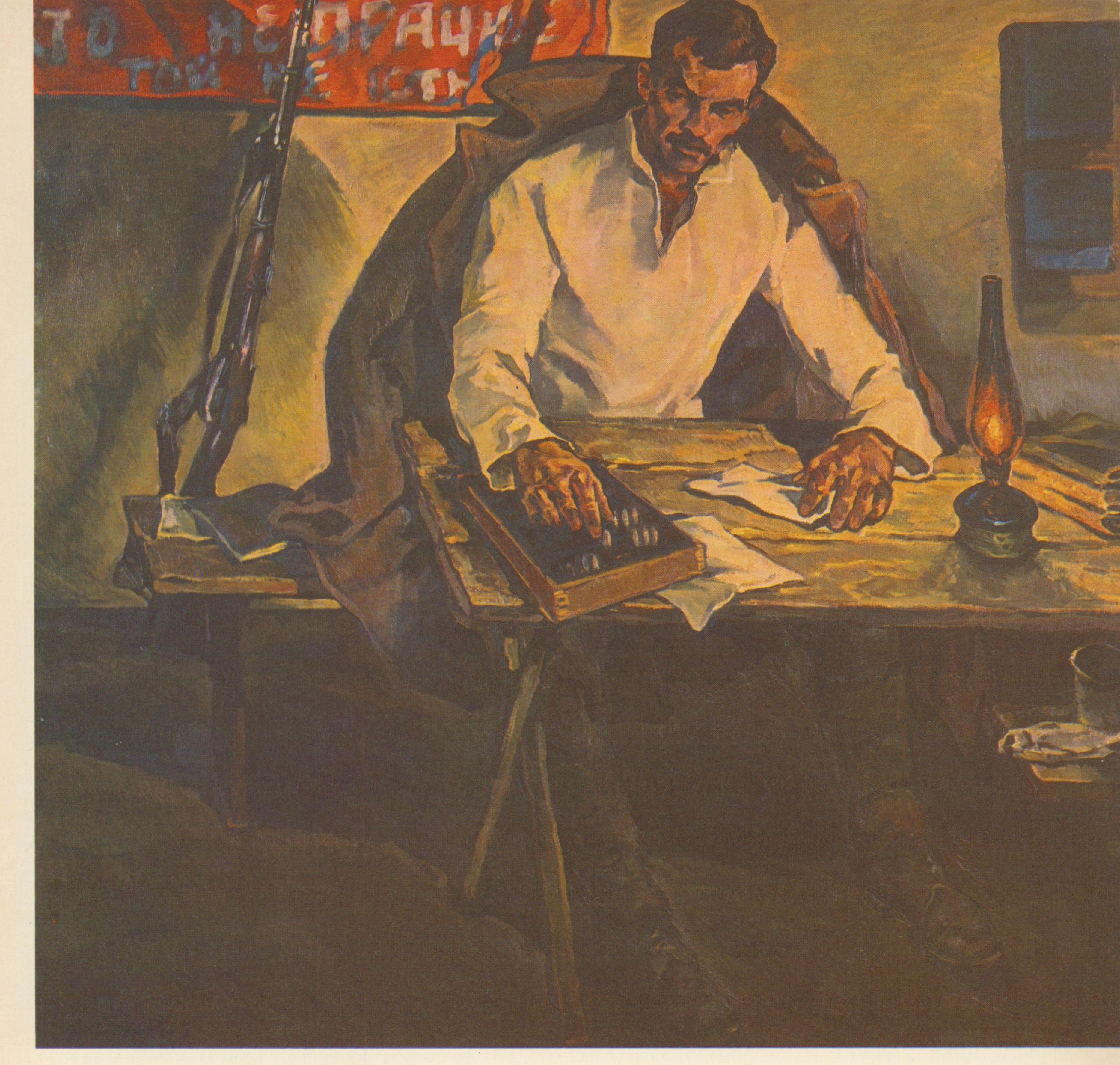
«Коллеги вашего отца, свидетели его жизни, не могут читать «Книгу об Отце», не узнавая в ней себя и своих знакомых»,— пишет мне Л. А. Биркина из Харькова. Письмо ее полно упреков и уличений меня в неточности фактов жизни реальных людей. Она не хочет понимать, что эта книга — роман. Думаю, доля правоты в ее недовольстве есть — каждый читатель волен воспринимать книгу, как ему угодно. Не обижает ли автора непонимание? Нет. Такие письма по-своему дороги мне — люди берегут память о тех, кого нет сегодня с нами, они ревниво относятся ко всему, что им кажется попыткой эту память обидеть или зачеркнуть,— разве на такое обижаются?

«Книга об Отце» написана и теперь от меня не зависит. Ей самой предстоит жить или умереть в мире нашей литературы.

В заключение хотелось бы привести строки из письма коллеги моего отца, харьковчанина, старейшего ветерана труда завода имени Малышева Михаила Григорьевича ДОБРУСКИНА:

«Мне исполнилось восемьдесят лет. Живу, как и все пожилые люди. Вспоминаю прошлое. Помню девятое мая 1945 года. Я с Вашим отцом пошел на заводскую площадь. Какой это был день! Я рад, что вы, Лариса, нашли свое место в жизни, в частности в литературе. Ведь писать — безусловно, тяжелый умственный и физический труд. Но и читать — это тоже труд. Не правда ли?»

Обзор подготовил Е. ОЛЕЙНИК.

Г. Крижевский. Род. 1918. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

К. Едгоров. Род. 1951. ПЕРВАЯ ЛАСТОЧКА.

К. БАРЫКИН

БУКВА «Н», А СБОКУ — БАНТИК

Магазин ломился от товаров. Принесут сюда еще десяток пальто, подумал я, и стены опрокинутся от такого обилия. И все выплеснется на улицу — говорливую, по-летнему яркую, где все так хорошо и со вкусом одеты. В купленное здесь? «Не могу так утверждать»,— продавец липецкого универмага показывает мне унылое издельице с маркой ленинградской фабрики. Изучаю фасон, рассматриваю ткань, обращаю внимание на ярлык. И вижу на нем букву «Н». Символ новизны! Можно сказать, сертификат моды, товар из завтрашнего дня. Наверное, костюм только что выпорхнул из рук модельера-кудесника? Выпорхнуть-то выпорхнул, но не полетел. Застрял в магазине — никто не соблазнился новизной. Потому что ее нет и не было. Товар новинкой посчитали лишь сами швейники да покладистая комиссия. А в остальном — обычнейшее изделие. Рядом — десятки подобных, но они без индекса. Мы с продавцом все же ищем новизну. И еще раз убеждаемся в том, что искать то, чего нет,— занятие неблагодарное. Видимо, только фабричным фокусникам и известен способ перевода обычных изделий в разряд новинок. «Может, где строчка изменена? — рассуждает меж тем продавец.— Или пуговицы другие поставлены?».

А мое воображение уже рисует картину: по конвейеру идут костюмы, добираются до стола, на котором контролеры берут картонные квадратики и прикрепляют их к костюму. «Н», «Н», «Н»... И заводская касса уже распахнула дверцы сейфов, чтобы принять некую сумму, причитающуюся за новизну. Такая надбавка отвечает букве инструкции о временных ценах на новые товары, но противоречит духу этого документа. Около пяти лет назад появилась инструкция. За это время в магазины попали тысячи подлинных новинок. Но та же инструкция помогает промышленности собирать дань за псевдоновинки. Параграфы щедры, они дают весьма широкое толкование новизны. И швейная фабрика вычитывает, похоже, прежде всего то, что ей удобнее. Челябинское швейное предприятие запросило (и получило!) пятидесятипроцентный гонорар за новизну не шибко нового товара; ленинградское швейное объединение оказалось менее удачливым, здесь за каждую из четырех моделей пальто получили «всего» по десять надбавочных процентов.

На заседание художественного совета привезли десятки моделей обуви — претендентов на «Н». Представители предприятий убеждали, настаивали, требовали — выдайте право называть их новинками. Намекали: иначе не сможем поставить на конвейер. Загнанные в угол представители торговли (не будет «Н», товар в магазин вообще не попадет; чем станем торговать?) были более чем либеральны. И все же лишь семьдесят девять из 192 представленных образцов вытянули на «Н». Почему же не строги к себе иные представители легкой промышленности? Настолько не строги, что даже министр легкой промышленности СССР Н. Н. Тарасов, выступая на всесоюзном семинаре в Свердловске, посетовал, сказав, что иные новые товары не несут принципиальной новизны.

Когда устанавливался статус нового товара, все думали, что это будут элитные изделия, отменные по конструкции, по материалу, по исполнению. Но на оптовой ярмарке товаров хозяйственного толка я насчитал около пятидесяти «новинок», которые встречал в магазинах и пять и десять лет тому назад. На одном из стендов заметное место занимал серого цвета почтовый ящик. Неуклюжая вещица — но с изящной буквой «Н». Беседую с теми, кто представил эту поделку.

— Это новинка! Мы такие прежде не выпускали...

Новинка фабричного масштаба? Сомнительный критерий.

Снова туфли: таких много в магазинах, да и на складах — полным-полно. Только бантик перешили: был справа, теперь слева. «Н»!

...Знакомлюсь с материалами проверок, проведенных Госторгинспекцией РСФСР. «По наличию грубых производственных дефектов и отклонению от утвержденных образцов» в первом квартале нынешнего года браковалось от девяти до ста (сто!) процентов обуви, выпущенной архангельской «Северянкой», курганской фабрикой, в Горьковском и Пермском обувных объединениях. А среди брака — немало туфель, украшенных индексом «Н» и даже Знаком качества. Пятьсот пятнадцать пар обуви ростовской фабрики (и тут есть с «Н» и со Знаком качества!) забракованы по «дефектам производственного характера»; Тюменский камвольно-суконный комбинат добился своего — ткань «Икар» получила право на «Н». Но вслед за тем пришлось забраковать почти треть выпущенной продукции.

О чем же тогда говорит знак «Н»? Зачем беспардонно эксплуатировать его? Ведь экономический ущерб, наносимый престижу этого уважаемого индекса, может оказаться больше, чем формальное несоответствие сути и формы. Есть же примеры — их больше — иного толка, когда «Н» полностью соответствует требованиям. Несколько лет тому назад зашел я в ленинградский «Гостиный двор», там проводилась выставка товаров народного потребления, выпускаемых предприятиями города. Около неизвестной до того модели пылесоса обратил внимание, как обстоятельно оформлено все то, что давало право товару называться новым. Помимо того, предприятие гарантировало пятилетнюю безотказную работу пылесоса. И приглашало поучаствовать в покупательской лотерее-опросе. Словом, завод взял на себя массу обязательств. И такая забота пошла впрок: и поныне пылесосы «Электросилы» занимают верхнюю строчку в списке популярных товаров. Значит, у оберегающих свой престиж предприятий есть понимание новизны? Почему же их опыт не перенимают другие заводы и фабрики? Наука дает достаточно четкие определения нового. Известный экономист профессор А. В. Орлов: «Когда мы говорим о новизне, имеем в виду товар, который недавно появился в продаже и ранее не был известен покупателю...» Эта формула хороша еще и своей житейской простотой. Четкостью критериев отмечены товароведческие работы ученых Московского института народного хозяйства имени Г. В. Плеханова. Стало быть, посылы выявления новизны есть. Но в промышленности подчас этого словно не замечают... Истинных новинок появляется все больше; и тем нетерпимее следует относиться к псевдоновинкам...

Вспоминаю доклад министра торговли РСФСР В. П. Шиманского и понимаю озабоченность, которую все более активно высказывает торговля, стремясь к тому, чтобы на прилавки пришел товар качественный, в нужном ассортименте; значит — и новый. Пока же, сказал министр, «довольно часто ассортимент расширяется не за счет появления действительно новых товаров, а за счет различия их в незначительных деталях». Специалисты выяснили, что такое положение отнимает у покупателя лишнее время: оно тратится на то, чтобы рассмотреть и сопоставить варианты одного и того же товара. Вот какой еще стороной повернулась лженовинка!

Нетрудно предположить, что новинка — изделие, о котором сегодняшний рынок представления не имел. Нечто обладающее достоинствами, которых не было у ранее выпускавшегося товара. Новинка вышла из конструкторского бюро, из заводского цеха не для того, чтобы поразить индексом «Н», а с тем, чтобы продемонстрировать преимущества перед известным товаром.

В столичном ЦУМе, магазине, дорожащем своей репутацией, я попросил познакомить меня с новинками. Товаровед позвонил на склад: «Неходовые новинки еще не вывезли? Мы сейчас зайдем на них посмотреть...» Перебираем обычнейшие костюмы. На мой взгляд, они вовсе не отличимы от соседних, буквой «Н» не удостоенных. «Новинки из прошлого года?» — спрашиваю, показывая на ярлык, где проставлена и дата выпуска. Отвисели положенное костюмы в торговом зале, никто на них не польстился. Товар же поступает почти ежедневно. Пришлось «неходовье» (не правда ли, подходящее определение для костюма-новинки?) перенести на склад, где ворох костюмов и пальто. И уценить их не с руки: оберегают товар с «Н» от скорой уценки.

С заведующей секцией Валентиной Алексеевной Котовой мы и говорим обо всем этом. Она подтверждает: «Да, «Н» больше, чем новинок. Размыты критерии подлинной новизны. Нет в ее характеристике четкости». Судьба нового товара небезразлична торговым работникам. Но они не берут на себя смелость назвать черное белым, псевдоновинку — новинкой... Ветеран торговли, опытный продавец Игорь Михайлович Саушкин показывает мне пальто. Делает он это с профессиональным шиком — давно не встречал такого мастерства. Но и оно не помогает — не смотрится модель. И сшито не очень аккуратно и ткань никчемная. Не драп, а мануфактурный вздор. Но именно он и отхватил ярлык с «Н».

— Не покупают? — спрашиваю я участливо. Игорь Михайлович виновато разводит руками, словно это он причастен к халтурной поделке. Объясняет негромко, явно переживая за чей-то брак:

— Это же, извините, не пальто, а воротник с нагрузкой...

Воротник и впрямь хоть куда, роскошен.

— А ткань подкачала... Такому воротнику — не сосед. Вот пальто и не состоялось.

Но «Н» действует как индульгенция. Нельзя ранее положенного срока снять пальто с продажи, переоценить его. Однако швейную фабрику или, к примеру, обувное объединение это, похоже, уже не заботит. Набившая оскомину ситуация — писали о ней не раз: товар вышел за швейные ворота, вошел в торговую дверь — и банк перечислил промышленности некую сумму. Продастся пальто или будет пылиться в магазине, на экономическое благополучие промышленного предприятия это не влияет. Вал, общее выполнение плана — главные показатели... В экономику же все основательнее входит термин: по конечному результату. Для пальто и костюма, для холодильника или телевизора, даже для бельевой прищепки этот результат — товар продан. Может, лишь после этого и перечислять фабрике деньги? А для новинок установить даже более жесткий режим: не продали в течение определенного срока, индекс «Н» снимается автоматически, товар переходит в обычный ряд, а начисленная за него наценка исключается из показателей того же швейного (или обувного) объединения?

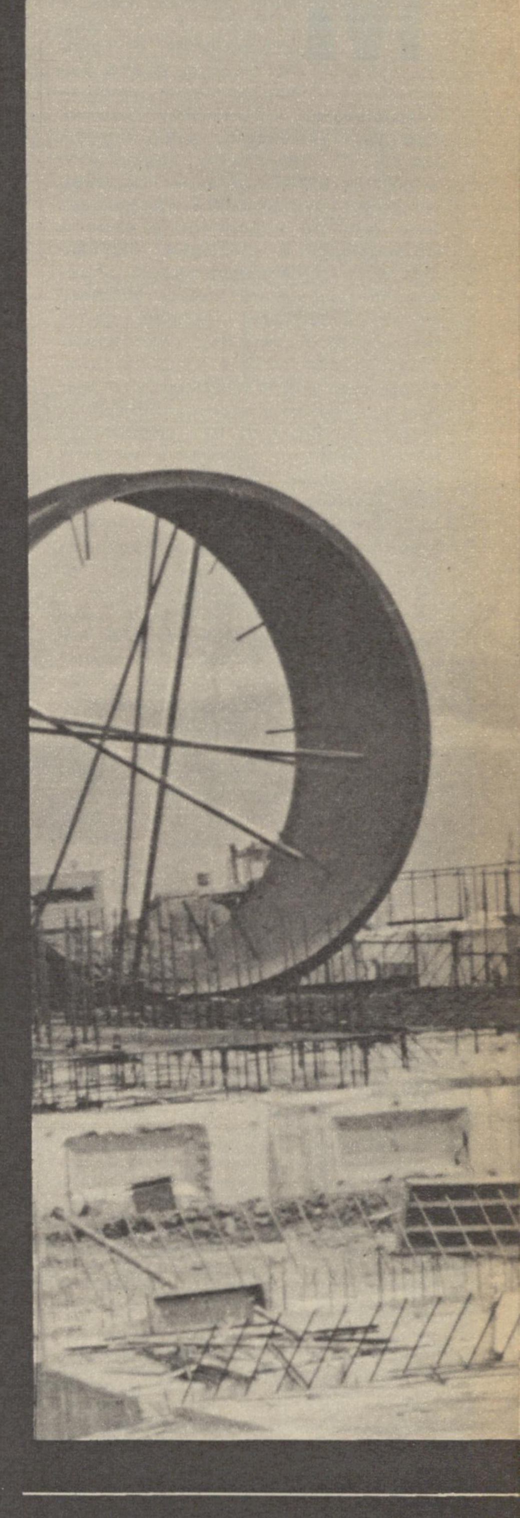
— Обратите внимание на эту модель! — Саушкин явно гордится.— И линия выдержана и исполнение отменное, да и не было прежде таких пальто. Где сделано? Определим? — Игорь Михайлович смотрит на этикетку.— В швейном объединении «Сокол» сшито... А какие великолепные плащи получает магазин с фабрики «Салют»... Выходит, и промышленность знает, что такое настоящая новинка?

Может, и знает, но... Значит, нужна более простая и более четкая методика выявления новизны. Пора подумать и над тем, чтобы «временные» (впрямь говорят — нет ничего более постоянного, чем что-то «временное») инструкции доработать настолько, чтобы уклончивое, позволяющее варианты и излишний либерализм словечко «временная» снять. И тогда будет ясно — новый ли товар объявился на рынке? Или подделка, новинка фабрично-заводского понимания. Новинка с точки зрения директора, но не покупателя, который вовсе не привередлив, а просто понимающ и разборчив...

И хорошо, что разборчив. В магазинах товаров все больше, и покупатель может и должен быть разборчивым.

товар — магазин — покупатель

Бригадир экскаваторщиков, ветеран стройки Иван Михайлович Пойда.

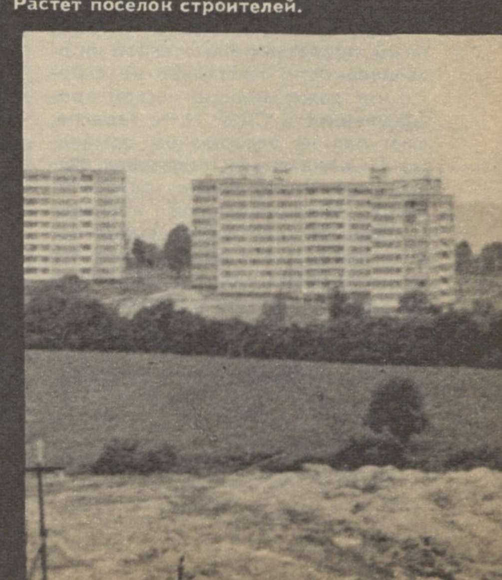

Н. ИВАНОВА

Фото А. НАГРАЛЬЯНА

РО

Растет поселок строителей.

Идет монтаж напорных трубопроводов на водоприемнике ГАЭС под Загорском.

...ждается самая первая...

Мы остановились у самого края обрыва. Далеко внизу змейкой блеснула на солнце Кунья. Этой скромной подмосковной речушке, которую вброд переходят мальчишки, предстоит войти в историю отечественной энергетики: она даст жизнь первой в нашей

стране гидроаккумулирующей электростанции мощностью в миллион двести тысяч киловатт. «Даешь пуск в 1984-м!» — написали гигантскими буквами строители на склоне котлована будущей станции. Она появится неподалеку от живописного старинного села Богородское, где вот уже триста лет народные мастера режут из дерева коней, лосей да медведей. Неужели и впрямь в этом заповедном краю русской деревянной игрушки встанет новый... Днепрогэс?

— По мощности Загорская гидроаккумулирующая электростанция равна двум довоенным Днепрогэсам,— говорит наш «гид», главный технолог Александр Гринчук, который прежде работал на Днепрогэсе-2.— На этом сравнения кончаются, потому что здесь сооружается совершенно новая по технологии станция.

Все инженеры и ученые, с которыми мы встретились на стройке, были единодушны — будущее энергетики во многом зависит от развития ГАЭС. Промышленности необходимо все больше электроэнергии, особенно в часы «пиковых нагрузок», когда срочно требуется дать дополнительную порцию энергопитания. В Мосэнергосистеме «пиковые нагрузки» возникают и в дни больших спортивных событий. Одновременное включение трех с половиной миллионов телевизоров требует дополнительных полутора миллионов киловатт энергии. Откуда их взять и куда отправить потом, когда минет пиковое время: ведь выработанную электроэнергию невозможно оставить «про запас», ее следует тут же перекачать из одной энергосистемы в другую. В европейской части страны, где уже давно освоены все гидроресурсы, есть один выход — ставить там, где возможно, гидроаккумулирующие станции. ГАЭС требует минимум водных запасов: она способна на несколько часов покрыть дефицит электроэнергии, а в остальное время будет ее накапливать.

Это объяснение показалось нам простым, но, проколесив по стройке несколько часов, мы убедились: нет, совсем непросто рождается эта новая уникальная станция. И совсем не случайно на строительной площадке вместе с рабочими и инженерами работают ученые. «Гидропроект» имени С. Я. Жука прислал сюда группу ученых-специалистов. С одним из них, Петром Михайловичем Ерошкиным, мы встретились на площадке, где изготавливаются сборные элементы напорного трубопровода.

— Мы называем это место «полигоном» или «стендом», на котором ведется научная работа с применением самого современного электронного оборудования. Таких трубопроводов мы еще не создавали — это первый опыт, и на «полигоне» будет отработана и унифицирована технология их изготовления.

Мы поинтересовались, как будет работать ГАЭС. Петр Михайлович взял из моих рук блокнот и нарисовал схему. Помните школьную задачку про два бассейна? Только в этой «задачке» бассейны поставлены на разных уровнях: один взобрался на самое высокое место, туда, где уже отсыпано 19 миллионов кубометров земли, а нижний стоит на равнине, где бетонщики из бригады Бориса Калагова готовят для ленивой Куньи «засаду» — водосбросную галерею. Оба бассейна соединены со станцией шестью нитками напорного трубопровода, а каждая из таких «ниток» состоит из двухсот бетонных колец. Станция будет работать в двух режимах — как насос и как турбина.

На «полигоне» мы увидели несколько уже готовых колец, их диаметр — семь с половиной метров, вес — 140 тонн. Кольца стоят чинно друг за другом и дожидаются, когда кран-гигант подхватит их могучей рукой и отнесет к «кантователю» — агрегату, напоминающему щербатую луну. А тот бережно перевернет кольцо на бок, оно докатится по склону до своей «полочки». Так, кольцо за кольцом собираются нитки трубопровода.

...Увязая в развороченной земле, пробираемся к «полочкам», на которые ляжет первая нитка. Здесь работает одна из лучших на стройке бригада сварщиков Александра Шрайбера. Родом бригадир с Алтая, из маленькой деревушки и уже двадцать лет строит гидростанции. Породнился с Киргизией, сначала строил Токтогульскую, потом Атбашинскую ГЭС. Спрашиваем, отчего он расстался с благодатным краем винограда и персиков и приехал в Подмосковье.

— Захотелось посмотреть, что это за новая станция будет — ГАЭС? Мы ее строим почти на равнине, а мощность, как у нашей, Токтогульской. Интересно!

— А что за народ собрался в бригаде?

— Хороший народ! Нас 25 человек. Есть, конечно, токтогульцы, но и местные ребята из окрестных сел. А из Богородского пришли Романовы и Савины — отличные плотники, знают и любят дерево.

...Чтобы познакомиться с ветераном стройки, прославленным бригадиром экскаваторщиков Иваном Михайловичем Пойдой, отправляемся к верхнему бассейну. Грандиозная насыпь, на которую мы взобрались,— дело рук экскаваторщиков, бульдозеристов и водителей самосвалов. Я присела у обочины дороги, пробитой многотонными самосвалами. Без устали чередой сползают они вниз, туда, где надрывно урчат краны, вспыхивают, словно огромные светлячки, огни сварки, и, сбросив тяжелую ношу устремляются наверх, к карьерам. Я вижу, как медленно, с тяжелым вздохом распрямляется земля, смятая тяжелой поступью машин, и захотелось погладить эту усталую землю, ласково шепнуть ей: «Потерпи, дай людям закончить свое дело, и тогда произойдет чудо из чудес — ты станешь дном огромного, глубиной до 35 метров водохранилища».

— Когда произойдет оно, это чудо? — спросили мы руководителя строительства Загорской гидроаккумулирующей электростанции.

— Мы вступили в очень ответственный и сложный предпусковой этап: на следующий год должны быть введены первые мощности станции,— ответил Владимир Михайлович Плотников.— Это значит, что темп работы нарастает и, как всегда при таком размахе стройки, не хватает рабочих рук. Сейчас здесь около четырех тысяч специалистов, а понадобится — вдвое больше. Нужны экскаваторщики, бульдозеристы, бетонщики, монтажники. Вы видели, как растет и украшается многоэтажными домами поселок для строителей, где уже есть школа, три детских сада, ясли. Но это только начало...

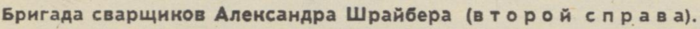
Наш собеседник — опытный инженер-гидростроитель с тридцатилетним стажем. Ему довелось строить Иркутскую ГЭС, Мамаканскую станцию в районе Бодайбо и Усть-Хантайскую под Норильском. Сюда Владимир Михайлович приехал с Днестровского гидроузла. «Гидроаккумулирующие станции — категорическое веление времени!» — считает Плотников, которому поручено это увлекательное, ответственное и очень нелегкое дело. Строительство Загорской ГАЭС обойдется государству в 220 миллионов рублей. Но эти затраты необходимы, потому что в европейской части нашей страны отныне целесообразно строить только атомные электростанции, а ГАЭС — обязательные спутники для их бесперебойного действия.

— До 2000 года предусмотрено строительство ГАЭС общей мощностью до 30 миллионов киловатт — это почти двадцать пять таких станций, как наша!

— Получается, что здесь, на богородской земле, создается «колыбель» для «выпестовывания» будущих станций?

— Пожалуй, так можно сказать. И вот что хочу подчеркнуть. Много веков тому назад на этой земле родилась озорная, веселая богородская игрушка. Сегодня она украшает наш клуб «Строитель», и мы хорошо понимаем, как важно сохранить и приумножить это народное богатство. Много мастеров-умельцев живет в селе Богородское, рядом с которым растет наш белокаменный поселок. И будет правильно, если мы возьмем на себя заботу о благоустройстве села, куда пролегает туристический маршрут «Золотое кольцо Подмосковья». Думаю, со временем в этот маршрут обязательно войдет и наша ГАЭС!

Мост из прошлого в будущее... Его строят люди, знающие цену духовного богатства своей страны, они понимают, что здесь предстоит решать не только сложные гидротехнические задачи, но и проблемы сельскохозяйственные, транспортные, которые неизбежно влечет за собой рождение первой гидроаккумулирующей электростанции. А к тому еще и позаботиться о сохранении веками сложившегося в этих местах культурного наследия.

Бригада сварщиков Александра Шрайбера (второй справа).

Эстер **РАНДРИАМАМУНДЗИ**

ПОВЕСТЬ

Рисунки А. ЛУРЬЕ

Утро придет

Едва устроившись в столице, Рандриа и Рамаву стали расширять свои связи с прогрессивной молодежью как в Антананариву и ее окрестностях, так и в прибрежных районах. День ото дня увеличивалась корреспонденция, идущая из самых разных уголков острова.

Все чаще и чаще обсуждался вопрос, как проводить идеологическое воспитание народа: агитация? Дискуссии? Митинги?..

— Нам не удастся осуществить наши планы, если мы, малагасийцы, по-прежнему будем разобщены, — сказал Рандриа на одном из собраний, где, как всегда, разгорелись жаркие споры. — Посмотрите, какой антагонизм между племенами. А между различными политическими партиями? Между бедными и богатыми? Даже между католиками и протестантами! Иногда надо чем-то поступиться во имя общей цели — иначе мы ничего не добьемся. Одних ослепляют деньги и высокие посты. Другие не видят дальше своего носа — думают лишь о миске риса на сегодня и не могут заглянуть вперед.

— Мы будем топтаться на месте, если так будет продолжаться. Сыты лишь богатые, остальные перебиваются с хлеба на воду. Надо прежде всего уничтожить имущественное неравенство — каждый должен иметь по способностям и по труду. Надо, чтобы весь народ получил доступ к образованию, начиная от начального и кончая высшим. Чтобы каждый человек получил то, чего он достоин, — свое законное место в жизни. Если будет ликвидировано имущественное неравенство — само собой отпадает неравенство классовое.

— Это можно осуществить, только если народ осознает, что от него, от каждого из них зависит будущее страны. Если каждый поймет необходимость образования... А сейчас, когда все думают лишь о том, чтоб насытить свой желудок да набить карман, до прогресса еще ой как далеко. Боюсь, что даже наши дети еще не смогут в полной мере осознать, понять до конца, что нельзя автоматически перенести западную цивилизацию на малагасийскую почву. Это приведет к потере нашей самобытности, утрате национальных культурных традиций.

— Именно поэтому перед нами стоит трудная задача — просвещать и образовывать народ, — сказала учительница Разака. — В первую очередь необходимо перековать его сознание. Ты прав, Рандриа, еще очень много малагасийцев, мечтающих о прежних порядках. Они-то и являются пособниками бывших колонизаторов.

— Я тоже считаю, что от просвещения, воспитания зависит очень многое. И это в первую очередь задача тех, кто стоит у власти. Но необходимо, чтобы власти разделяли те цели, которые поставил перед собой народ. Только тогда они смогут повести за собой массы. Ни для кого не секрет, что народ часто иррационален. Люди думают сердцем. Их легко сбить с толку, запугать. Враги часто пользуются этим в своих интересах. Пользуются серостью, малограмотностью народа. Вот почему порой случаются всякие неожиданности: сегодня люди с тобой соглашаются, а завтра выступают против, сегодня тебе аплодируют, а завтра проваливают на выборах.

— Я немного хочу сказать о другом. В каком состоянии ревизия деятельности иностранных компаний по добыче полезных ископаемых? Какая провинция не представила еще отчет? Мы должны быстро довести это дело до конца, иначе наши богатства уплывут за океан, пока мы будем тут спорить о мелочах.

— Почти все готовы,— сказал Рандриа, вытаскивая из портфеля кипу документов.— Значит, так. В провинции Диего все еще хозяйничают колонизаторы. Они получают колоссальные прибыли от экспорта ванили и гвоздики. Как правило, у них нет на это разрешения. Количеству экспортируемого не соответствует документация. Порт полностью в их руках. Вот цифры — они дают ясную картину положения вещей в этой провинции. Волосы встают дыбом!.. Далее. Туамасина: огромное количество жуликов всех мастей — от мелких торговцев до крупных держав. Каждый делает, что хочет: ввозит... вывозит, без всякого ограничения. Набросились, как мухи на патоку. Отчет еще до конца не готов. Наши товарищи надеются в скором времени получить более полную и ясную статистику... Далее. С юга сообщают: положение трудное — большие убытки из-за засухи. Погибло много скота. Однако принимаются все меры. О нефти и угле: пока еще не совсем ясно. Говорят, якобы запасы не обнаружены. Но даже если и есть, по мнению экспертов, залежи, мол, не покроют стоимости добычи. Наши товарищи, ответственные за этот регион, стали сомневаться, однако, в правильности прогнозов иностранных специалистов. Они должны представить нам подробный отчет о положении вещей, и я надеюсь, в скором времени мы будем иметь более ясную картину.

Теперь центральные области. Имеющиеся в нашем распоряжении цифры доказывают стремление некоторых лиц втереть очки властям: дела так ловко запутаны — бесспорно, здесь какие-то махинации. Мы не сомневаемся, впрочем, что их быстро выведут на чистую воду. Известия из Анцирабэ и Амбатулямпи: иностранные компании по добыче полезных ископаемых, а заодно и сотрудничающие с ними малагасийцы заволновались. Неспроста они объявили о своем банкротстве и кричат об этом на всех перекрестках — чувствуется, что затевается какая-то новая афера.

После собрания, как обычно, остались перекинуться в картишки — сыграть партию в белот. Игра, однако, не клеилась — все были возбуждены после жаркой дискуссии. Да и поздно уже. Постепенно стали расходиться. Остались лишь Рандриа и Рабари. Пробило полночь, когда они спохватились: завтра рабочий день, и надо бы хорошенько выспаться.

Была тихая-тихая безлунная ночь. Один за другим гасли в домах огни. Рабари жил в Анкадифуци. Дом находился в глубине квартала, и они пробирались маленькими закоулками, чтобы выйти на проезжую улицу. Рабари с женой пошли проводить Рандриа и Рамаву — жаль было расставаться с друзьями, и хотелось закончить начатый разговор. Шли медленно, с наслаждением вдыхая свежий воздух после душной комнаты. К тому же приходилось глядеть под ноги — было очень темно.

Женщины шли впереди. Вдруг из темноты выскочил какой-то парень и бросился на Рандриа. Схватил за горло и ударил кулаком в челюсть. Рандриа покачнулся, но сумел вывернуться и изо всех сил дал нижнему бандиту прямо в пах. В это время подоспел Рабари и заломил ему руки за спину.

Борьба длилась недолго. Бандит вырвался и пустился наутек.

Все четверо не могли прийти в себя от потрясения. Кто этот бандит? Было совершенно очевидно, что он не собирался раздеть или пошарить по карманам. Он преследовал другую цель: избить, ранить, а может, даже убить Рандриа. Явно, это один из той шантрапы, которую нанимают за деньги. Но кому это понадобилось? И тут Рандриа вспомнил, что уже несколько раз за последнее время получал анонимки с угрозами. А эти странные звонки среди ночи, предупреждающие «не тревожить зверя в берлоге»!

Безусловно, нападение не было случайным. Рандриа припомнил такой случай: как-то в его конторе взломали замок и переворошили все бумаги. Судя по действиям налетчиков, им нужны были не деньги: пишущую машинку, электронный калькулятор, транзистор, стоившие больших денег, не тронули. Исчезла лишь стофранковая банкнота — рамбундамба[1], которую приготовил Рандриа, но случайно забыл на работе.

Что им нужно было от Рандриа? Что они замышляют, запугивая его всеми возможными способами?

Было лето. Дожди, однако, еще не начались, и было трудно дышать. Задыхалась природа. Задыхались люди.

На следующий день Рабари и Рандриа снова созвали собрание. Но никто не пришел... В чем дело? Не смогли? Или причина в другом?

— Мне совершенно ясно, в чем причина, но пока, может быть, не стоит сообщать об этом всем членам партии. Давайте посмотрим, как будут развиваться события. Или среди нас шестерых есть предатель, или уже появились крысы, бегущие с корабля. В худшем случае, вернее, я бы сказал, в лучшем, есть болтуны, не умеющие держать язык за зубами. Но мы уже не дети, мы взрослые люди и должны понимать, что можно, а чего нельзя. Нельзя же не отдавать себе отчета, что от твоей болтливости — или злого умысла? — зависит судьба страны. Не знаю, какие мотивы ими двигают, может быть, самосохранение, желание спасти свою шкуру, но не исключаю и возможность подкупа.

— Как-то трудно поверить в это. До сих пор были все едины во мнениях. Возьмите Радзау. Или, например, Рабеза. Он один из инициаторов нашего дела, активно сотрудничает с нами, не жалея ни сил, ни времени, ни денег. Мы уже подготовили досье и собираемся представить его на обсуждение всех членов партии, прежде чем передать наверх, властям. Теперь у нас в руках факты. Факты, а не просто предположения. Теперь уже бесспорно, что до сих пор мы знали лишь ничтожную часть тех преступлений, которые совершили колонизаторы против нашей страны. Наши товарищи, специально уполномоченные расследовать деятельность иностранных компаний по добыче полезных ископаемых, сообщают нам все новые и новые доказательства злодеяний и злоупотреблений. Наверняка за нами установлена слежка с тех самых пор, как мы начали это расследование. И если мы не будем проявлять осторожность и бдительность, этот наш разговор будет последним беспомощным актом перед поражением. А враги только этого и ждут. Им ничего не стоит не моргнув глазом повторить «47-й год»... Уже начали запугивать и терроризировать людей. Составлен черный список «смутьянов». Они возомнили себя, очевидно, богами, раз считают себя вправе распоряжаться человеческой жизнью: ставят против твоей фамилии крест — и тебя «убирают». Видимо, это и напугало наших товарищей, и они не пришли.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 31, 32.

[1] Рамбундамба — деньги на похороны, которые дают близкие друзья и родственники семье умершего.

Больше всего огорчает, конечно, то, что среди нас, должно быть, есть предатель, их соучастник... И такие вот считают себя малагасийцами...

— Какие они малагасийцы! У них только что цвет кожи остался малагасийским, а образ мыслей и сердце давно уже имеют другую окраску. Неужели не понимают они, что колонизаторы никогда не признают их равными себе, что они лишь используют их, чтобы их руками притеснять других малагасийцев?

— Бог с ними! Это дело совести каждого. Но еще достаточно малагасийцев, у которых действительно малагасийские сердца, готовых умереть за родину. Родина принадлежит тем, кто любит ее! А те, кто предает ее, пусть пеняют на себя. Придет время, когда они почувствуют зов родной земли. Но будет поздно. Родина отречется от них, соотечественники заклеймят позором. Что ж, за все в жизни надо платить! Получат сполна за свое пособничество чужестранцам, угнетавшим простой народ, в поте лица добывающий себе хлеб насущный.

— А ты сам... готов умереть? — спросил Рабари.

— Нужно быть готовым, раз мы встали на этот путь. Мы с тобой уже связаны клятвой крови, и позор тому, кто отступится, — ответил Рандриа.

— Ты прав. Отступать поздно — «одна нога уже в лодке». Нельзя идти на попятную, что бы ни произошло. — Рабари говорил твердым голосом, но лицо его помрачнело.— Если со мной что случится, позаботься о моих, — сказал Рабари, помолчав.

— Я тоже как раз об этом подумал. И ты в случае чего...

— Будь спокоен, — сказал Рабари, протягивая ему руку.

В многозначительном взгляде, необычно крепком рукопожатии выразилась вся их сердечная привязанность друг к другу, уверенность в другом, надежность. Слова и клятвы были излишни.

Рандриа подошел к дому, открыл дверь. Прямо напротив двери — кухня, и он видит своих дорогих: Рамаву и Малянту раскатывают тесто для пирожков. Они так увлечены, что не слышат, как он вошел. Малянту вся в муке — не только руки, все платье, волосенки — «по уши», как говорится.

— Папочка пришел, — подпрыгнула она. Бросилась ему на шею, и начались объятия и поцелуи.

— Малянту, отойди от папы, весь костюм ему измазала! — Рамаву недовольно морщит лоб. Она старалась казаться строгой и даже сердитой, чтобы научить дочь бережно относиться к вещам. Но в душе была довольна, наблюдая, как забавляются папа с дочкой. — Вы оба абсолютно беспечны. Совершенно не думаете, сколько стоит отдать костюм в чистку!

— Все это мелочи жизни, — сказал Рандриа, а Маляну продолжала нежно теребить волосы отца.

— Если вы приведете себя в порядок, мы могли бы сесть за стол, — сказала Рамаву примирительно, выпроваживая их из кухни и надеясь прекратить их нежности и дурачества.

— Нет, мы еще поиграем, — захныкала Маляну. Отец посадил ее на плечи, и, о боже, сколько радости!

— Смотри упадешь, осторожнее! — Рамаву хотела взять ее на руки.

— Не хочу! Не хочу! Па, ну давай, поехали! Давай поиграем в лошадку!

Вот так всегда. Как бы он ни устал, приходя вечером с работы, ласки дочурки моментально снимали с него напряжение. Он уже совершенно забыл обо всех своих неприятностях. Отступили в сторону заботы и треволнения дня.

Сели ужинать. Ужин был скромным, зато веселились от души. Шутки, забавы, смех... Шуму столько, что можно подумать, будто у Рамаву пятеро или шестеро детей. Разучивали детскую песенку, которую Маляну услышала во дворе. Хлопали в ладоши, притопывая в такт музыке. Потом играли в прятки... Рамаву остановилась первая — она устала, и надо было еще помыть посуду. Рандриа с Маляну продолжали дурачиться. Наконец Маляну угомонилась. Рандриа уложил ее, напевая ее любимую песенку, пока она не заснула.

Кончив мыть посуду и наводить порядок, Рамаву заглянула в детскую. Рандриа продолжал сидеть около кроватки спящей сладким сном Маляну.

— Ты что? — тихо спросила Рамаву.

— Не могу налюбоваться на наше сокровище, — ответил Рандриа, не отрывая глаз от девочки.

— Все-таки мы с тобой счастливые! — сказала Рамаву с чувством.

— Да, мы счастливы, Маву, что у нас есть наша дорогая Маляну. Должно быть, очень несчастны те, кто не имеет детей. Не укладывается в голове, что существуют люди, способные поднять руку на ребенка, убивать детей.

Лежа в постели, Рандриа не мог уснуть. Мысль о дочке не давала ему покоя. Ей всего два года. А Рамаву? Ей едва исполнилось двадцать семь. Лучшая пора. Самый расцвет. Возраст великих дел и свершений. «Нет! Нет и нет! Пусть умирают другие. Пусть жертвуют собой, кто хочет. Завтра же сдам все партийные документы, отчеты, собранные материалы... Все! Подам заявление, чтобы меня вывели из руководства. Буду рядовым! Умою руки! Уеду в деревню. Главное — жить. Буду разводить огород. Как-нибудь прокормлю жену и дочку. Живут же как-то люди...»

Раздался телефонный звонок. Рандриа

вздрогнул. Рамаву испуганно села в кровати. Они посмотрели друг на друга. В последнее время от этого маленького аппарата только и можно было ждать плохих новостей.

— Алло! Алло!.. Я слушаю!

Рандриа прикрыл рукой трубку и прошептал:

— Международная. — Он вопросительно открыл глаза, Рамаву поморщилась.— Я слушаю... Конечно, я! Какие шутки?! А в чем дело?.. Ну, какой-то хулиган напал на нас.. Это не имеет значения. Ничего страшного... Я вовсе не ранен, говорю тебе. Ну, испугался, конечно, от неожиданности... а кто тебе сказал?.. Незнакомый голос? Странно... Постарайся выяснить, откуда так быстро узнали об этом. Ни я, ни Рабари никому не рассказывали. Кроме нас, никто не знал. Мы не хотели никому говорить, пока все не прояснится,— чтоб не было лишних слухов... Ну, конечно же, я — не привидение же говорит с тобой!.. У меня даже нет синяков... Тоже. Вот она рядом со мной, мы только что уложили Малянту... Ну пока, передавай всем привет...

— Это Зака, из Парижа, — сказал Рандриа, окончив разговор и снова укладываясь в постель. — Ему кто-то позвонил и сказал, что я сильно ранен, чуть ли не при смерти... Он все не верил, что это я с ним говорил и что я живой и здоровый. Ох, как мне все надоело! Осточертело! Ну кому нужно звонить в Париж — за границу! — чтобы сообщить, что какой-то хулиган напал на меня? Да к тому же так экстренно — суток еще не прошло.

— Что-то мне все это не нравится, Рандриа. Дело может обернуться плохо. Будь осторожен.

— Маву, родная, я решил.

— Что решил? — Рамаву вздрогнула.

— Решил выйти из партии. Завтра же подам заявление. Пойми меня, не могу я больше. Не могу все время думать, что ты и Малянту постоянно под угрозой. Уйду — и ты тоже успокоишься и Малянту.

Рамаву встала с кровати.

— Что с тобой, Рандриа? Что на тебя нашло?

Она зажгла свет, чтобы лучше видеть лицо Рандриа.

— Не могу больше, Маву. Не могу...

— Удара кулака какого-то мальчишки оказалось достаточно, чтобы ты вот так вдруг отказался от всего, о чем думали и мечтали, еще будучи студентами? Красивые слова говорили: «Спасти родину!», «Бороться за родину!». А на деле? Один удар кулака — и ты тут же на попятную... Рандриа, дорогой, прости, что я говорю слишком резко... Ну, скажи мне, что эти слова вырвались у тебя сгоряча. Ты устал, переутомился... Тебе надо отдохнуть — и все пройдет.

— Нет, Маву. Я тебе сказал, не могу! Надоело. Враги сильны, их много. Ты видишь — ниточка тянется даже за границу. И если уж они взяли кого-то на прицел, они не выпустят его из своих когтей. Но больше всего меня убивает то, что находятся малагасийцы, которые помогают им вернуть страну к прежним порядкам.

— Но ведь только ваша деятельность и может предотвратить это, не дать вернуться к старым колониальным порядкам. А ты хочешь отойти, отказаться от своих обязанностей, от своего долга.

— Замолчи! — крикнул Рандриа и повернулся к ней спиной.

— Почему я должна молчать, если ты себя так ведешь?

— Замолчи, говорю тебе! Не желаю я ни от кого слушать такие слова!

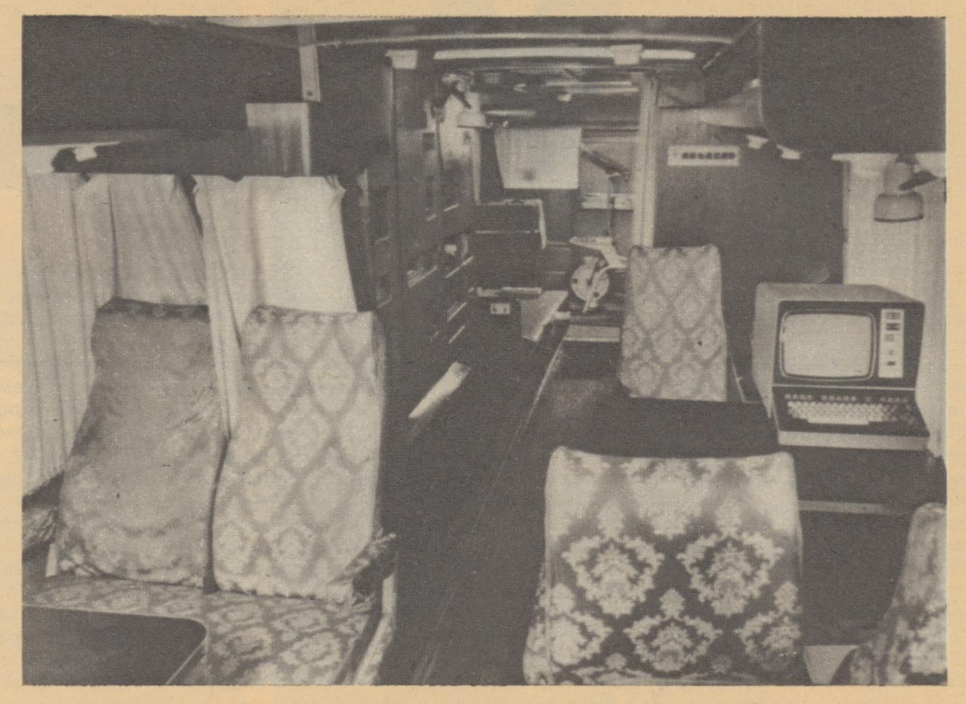
— Хорошо, я замолчу. Но сначала хочу сказать тебе: ты глубоко ошибаешься, Рандриа, умывая руки, когда стране грозит опасность. Ты заботишься о нас. Но мы с Малянту еще не вся страна. А кто позаботится о будущих поколениях? Это твой долг, Рандриа, наш долг. С нас будут спрашивать наши дети, и в первую очередь твоя дочь Малянту, когда подрастет. Недалек день, когда они будут искать ответа в прошлом и спрашивать: а что сделали мои отец и мать? Ты ошибаешься, Рандриа, ты выбрал ложный путь!

— Замолчи!

Перевела с малагасийского
Людмила КАРТАШОВА.

Продолжение следует.

«АВТОСАН-82»

В своей речи на июньском (1983 года) Пленуме ЦК КПСС Ю. В. Андропов говорил о важности предупреждения заболеваний, о введении ежегодной диспансеризации всего населения.

В значительной степени решение этой проблемы зависит от создания новой аппаратуры обследования.

Во дворе института медико-биологических проблем Министерства здравоохранения СССР стоит необычный, яркий по окраске львовский автобус с крупной надписью на бортах: «Автосан-82» — Интеркосмос».

Вхожу в салон и останавливаюсь с ощущением необычайности и чего-то знакомого: мерцают световые и цифровые табло, экран дисплея, слышится легкий гул работающей аппаратуры. В конце стоит велоаргометр. Стоп! Ну конечно же, все это похоже на не раз виденную всеми по телевизору орбитальную станцию «Салют». Но нет, вокруг люди в белых халатах с эмблемами «ИМБЛ». Я на борту передвижной автоматизированной лаборатории для экспресс-оценки состояния здоровья и дистанционного обследования населения. А сходство этой лаборатории с орбитальной станцией не только внешнее. Этот автокомплекс создан на основе многолетнего опыта медицинского обеспечения и контроля долговременных космических полетов на орбитальной станции. Здесь даже аппаратура похожа. Например, известная всем система медицинских исследований «Аэлита». Разумеется, потребовалась корректировка. Космонавты — здоровые люди, а надо было найти критерии применительно к обыкновенным людям. Поэтому «Автосан-82» создавался совместно с врачами и клиницистами Московского областного научно-исследовательского клинического института имени М. Ф. Владимирского и со специалистами союзного кардиологического научного центра во главе с академиком Е. И. Чазовым.

Комплекс создан из отечественной аппаратуры, его экипаж — четыре человека: врач, прошедший специальную подготовку и умеющий «общаться» с этими «умными» приборами, инженер, лаборант и водитель автобуса.

Теперь о задачах, принципе работы и возможностях этой, пока уникальной лаборатории.

Главная задача — профилактическое обследование населения для определения резервов здоровья. По окончании обследования выдается карточка. Если зеленая — человек практически здоров. Желтая — функциональные возможности снижены, адаптация недостаточна. Красная означает сигнал тревоги: резкое снижение функциональных возможностей организма с явлениями срыва адаптации — необходимо провести углубленное медицинское обследование. В этих случаях рассчитывается фактор риска и рекомендация, к какому специалисту следует обратиться.

В день лаборатория может обследовать 50—80 человек, время пребывания в автобусе — 15 минут! На такую проверку своего здоровья согласится каждый. Ведь как обычно бывает: чувствует себя человек неважно, надо бы сходить к врачу, провериться. Но как подумает, сколько времени надо провести в поликлинике, так и махнет рукой: авось обойдется. А частенько это обходится «Скорой помощью». Задача экспресс-оценки лаборатории предотвратить катастрофу.

Теперь вкратце о работе комплекса. При входе измеряется рост, вес, спирометрия. Все это просто. Например, «дуть» надо в «коробочку», умещающуюся на ладони. Далее вы попадаете в «руки» приборов. Вас укладывают на кушетку со специальными подставками для рук и ног, две-три минуты спокойного отдыха — и многочисленные параметры, характеризующие состояние сердечно-сосудистой системы и других функций организма, зарегистрированы на ленте самописца и в памяти микроЭВМ. Вычислительный комплекс «Парсек-Л» производит математический анализ ритма сердца. Полученные данные тоже вводятся в микроЭВМ.

И, наконец, последний этап — автоинтервью. С экрана дисплея предлагаются вопросы (до 49) и варианты ответов. Для «записи» ответа нужно нажать соответствующую кнопку на пульте. И по окончании интервью вы получаете фирменную «карту оценки здоровья».

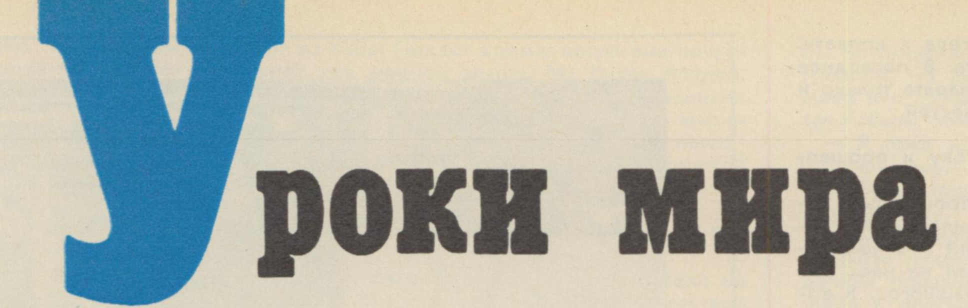
Наиболее широко такие автоматизированные комплексы могут использоваться в поликлиниках крупных предприятий. Например, металлургической или химической промышленности. Это позволит действенно следить за здоровьем большого коллектива. Оборудование позволяет лаборатории создать хранилище информации — «банк» данных о пациенте, и при повторном обследовании — скажем, через год — данные легко сопоставить. А они о многом могут рассказать. Если состояние большой группы работающих тут не ухудшается, значит, окружающая среда благоприятна. Если же общее состояние идет со знаком минус, что-то изменилось в общей картине условий и требует анализа.

Демонстрировался комплекс на ВДНХ в павильоне «Космос» и привлек большое внимание посетителей. В институт приходят письма предприятий, желающих использовать «Автосан».

Видимо, пора задуматься о пуске в серию автоматизированных лабораторий, столь нужных всем. Создатели «Автосана-82» считают, что в серии она будет стоить примерно как одна рентгенологическая установка.

Римма ЛИХАЧ
Фото А. Богданова

Владимир НИКОЛАЕВ,
фото автора

Уроки мира

В июне в Праге с огромным успехом прошла Всемирная ассамблея «За мир и жизнь, против ядерной войны». Выступая на ней, советский делегат Юрий Жуков сообщил, что Министерство просвещения СССР приняло решение каждый учебный год в школах страны начинать с урока мира. В высшей степени знаменательно, что об этом было объявлено именно в ходе ассамблеи, которая сама по себе явилась уроком мира для всего человечества.

Вспомним первый послевоенный конгресс сторонников мира в Париже — Праге. Тогда и было положено начало борьбе за предотвращение новой войны, за устранение ядерной угрозы. Потом состоялся варшавский конгресс, на котором был избран Всемирный Совет Мира во главе с великим французским ученым Фредериком Жолио-Кюри. С годами движение набирало силы, мощный поток протеста ширился и углублялся. Особенно усилился его количественный и качественный рост в последние годы, что явилось закономерной реакцией на гонку вооружений и раздувание военной истерии Соединенными Штатами и их союзниками по НАТО.

С приходом к власти в США администрации Рейгана угроза миру, опасность ядерного конфликта значительно возросли. И новые миллионы, десятки миллионов людей пришли в ряды движения за предотвращение атомной войны. Великими вехами небывалого подъема борьбы за мир стали демонстрации в крупнейших европейских столицах, причем в отдельных таких манифестациях участвовали сотни тысяч людей одновременно. Бонн, Париж, Рим... Эти древние города не знали в своей истории подобных народных выступлений за мир. Мне не раз доводилось быть свидетелем таких демонстраций в Западной Европе. Наряду с массовостью всегда поражают строгий порядок и монолитная сплоченность в рядах вышедших на улицы людей. А ведь под знамена мира с каждым днем приходят представители все более разных течений и мнений.

Одной из таких самых крупных манифестаций стал Марш мира в Нью-Йорке в июне 1982 года. Миллион человек прошли по улицам города-гиганта и провели многочасовой митинг в Центральном парке. В тот незабываемый день я был в Нью-Йорке и пристроился к колонне ветеранов вьетнамской войны. Они шли под лозунгом «Нас больше не одурачить!». Та же мысль звучит сегодня в выступлениях против атомной угрозы, против провокационных заявлений об «ограниченной» ядерной войне, о возможности победы в таком конфликте.

Ассамблея в Праге продемонстрировала возросшую мощь всенародного движения борцов за мир, которое до сих пор еще не знало международной встречи такого масштаба и значения.

Разные, порой даже противоположные взгляды, различие мнений в области политики, философии, религии не помешали собраться вместе участникам этого форума, объединившимся во имя главной задачи современности — спасти мир от ядерной катастрофы. Все они единодушно приняли Воззвание, которое начинается так: «Человечество подошло к роковому перекрестку своей истории. Один шаг в неверном направлении — и мир может быть ввергнут в пропасть ядерной войны». Один только шаг!.. Неужели ради этого вот уже тысячелетия развивалась человеческая цивилизация?!

В один из дней работы ассамблеи на Староместской площади состоялся митинг, в котором приняли участие 200 тысяч человек. Так Прага выразила свою солидарность с посланцами мира со всех континентов. Я увез с ассамблеи много волнующих воспоминаний, но это — одно из самых сильных. Правда, с той же площадью связано впечатление от события, не сравнимого по своему масштабу с митингом, но в то же время ярко характеризующего дух этого форума. Есть на площади среди других старинных сооружений церковь святого Николая, и вот там состоялось весьма необычное богослужение, возможно, первое такое в истории всех религий. В нем приняли участие священнослужители, принадлежащие к самым разным направлениям,— буддисты, католики, протестанты, мусульмане, православные, служители культа из африканских стран... Так совместной молитвой они открыли свою двухдневную встречу в рамках ассамблеи. В их заключительном заявлении говорилось: «Совершенно иная ситуация на земле заставляет всех взглянуть по-новому на наши религиозные постулаты и практику в поисках того общего, что должно нас соединять вместе для спасения священного дара жизни от уничтожения человеческими руками».

И в те же дни на ассамблее встретились космонавты из разных стран, повседневная деятельность которых в заоблачных высотах, казалось бы, не может не ставить под сомнение некоторые религиозные догмы. Я беседовал с этими сильными и жизнерадостными людьми и убеждался в том, что их объединило в Праге то же стремление, что и священнослужителей.

Состоялась на ассамблее и встреча нескольких бывших генералов НАТО. Обсудив проблемы войны и мира, они обнародовали обращение, в котором говорилось: «Европейцы взывают — «НЕТ!» Американское оружие первого удара у порога Советского Союза — наиболее подходящий запал для вспышки ядерной мировой войны. Американцы, мы убедительно просим вас: не размещайте «Першинги-2» и крылатые ракеты в Европе! Ради спасения человечества — не делайте этого!»

Помимо встреч по интересам (о некоторых из них рассказано выше), на ассамблее состоялись обсуждения животрепещущих проблем современности, названные диалогами. Их всего было одиннадцать. Богатейшие материалы этих дискуссий — знаменательный итог тех уроков мира, которые уже прошло человечество. «Опасность ядерной войны — угроза жизни и пути ее предотвращения» — так была сформулирована тема первой дискуссии. Ее участники проследили, как нарастала эта угроза, начиная с трагедии Хиросимы и Нагасаки. Одним из самых потрясающих документов стал на ассамблее фильм, созданный на эту тему в Японии. Делегаты также услышали выступления свидетелей гибели этих двух городов. Некоторые участники дискуссии настаивали на проведении сбора подписей в защиту мира по образцу Стокгольмского воззвания. Предлагалось также утвердить в международных правовых отношениях принцип неприменения первыми ядерного оружия. Выступавшие указывали на необходимость сократить расходы на вооружение и средства, которые в результате этого освободятся, направить на борьбу за сохранение окружающей среды.

Успех пражского форума, проделанная в ходе его огромная работа стали возможны потому, что ассамблею подготовили миллионы борцов за мир в разных странах. «Большая делегация из Индии, — сказал один из ее посланцев, — это прямой результат нашей кампании против милитаризации Индийского океана». В самом деле, из этой расположенной далеко от Праги страны на ассамблею прибыло двести делегатов. Среди них были представители двадцати двух штатов из двадцати четырех, всех политических партий — правящей и оппозиционных, многих общественных и профессиональных организаций. На ассамблее отмечался тот большой вклад, какой внесли в нее советские люди. Только в мае этого года, накануне пражского форума, в Советском Союзе в различных антивоенных мероприятиях участвовало около 50 миллионов человек, в советский Фонд мира поступили пожертвования от 85 миллионов граждан. И, конечно же, успеху ассамблеи в огромной степени способствовали Прага и вся Чехословакия. По стране в Фонд ассамблеи было собрано более 62 миллионов крон, и расходы на нее возмещались из этого Фонда. Участники отмечали блестящую организацию ассамблеи, исключительно четкую деятельность всех ее служб. Мне за многие годы журналистской работы довелось освещать десятки международных встреч, и я могу отметить, что пражский форум прошел на самом высоком уровне. Такого же мнения и другие корреспонденты, а их прибыло в Прагу более 400.

В столице Чехословакии на каждом шагу можно встретить мемориальные доски на стенах домов. На них написано, что вот на этом самом месте погиб такой-то житель города. Все даты на досках относятся к первым числам мая 1945 года, когда пражане поднялись на борьбу против немецко-фашистских оккупантов. На одной из городских площадей на высоком постаменте стоит советский танк, первым ворвавшийся в Прагу в мае 1945-го. В дни работы ассамблеи рядом с ним была установлена ее эмблема — голубь мира на фоне земного шара. Два неразрывно связанных символа!

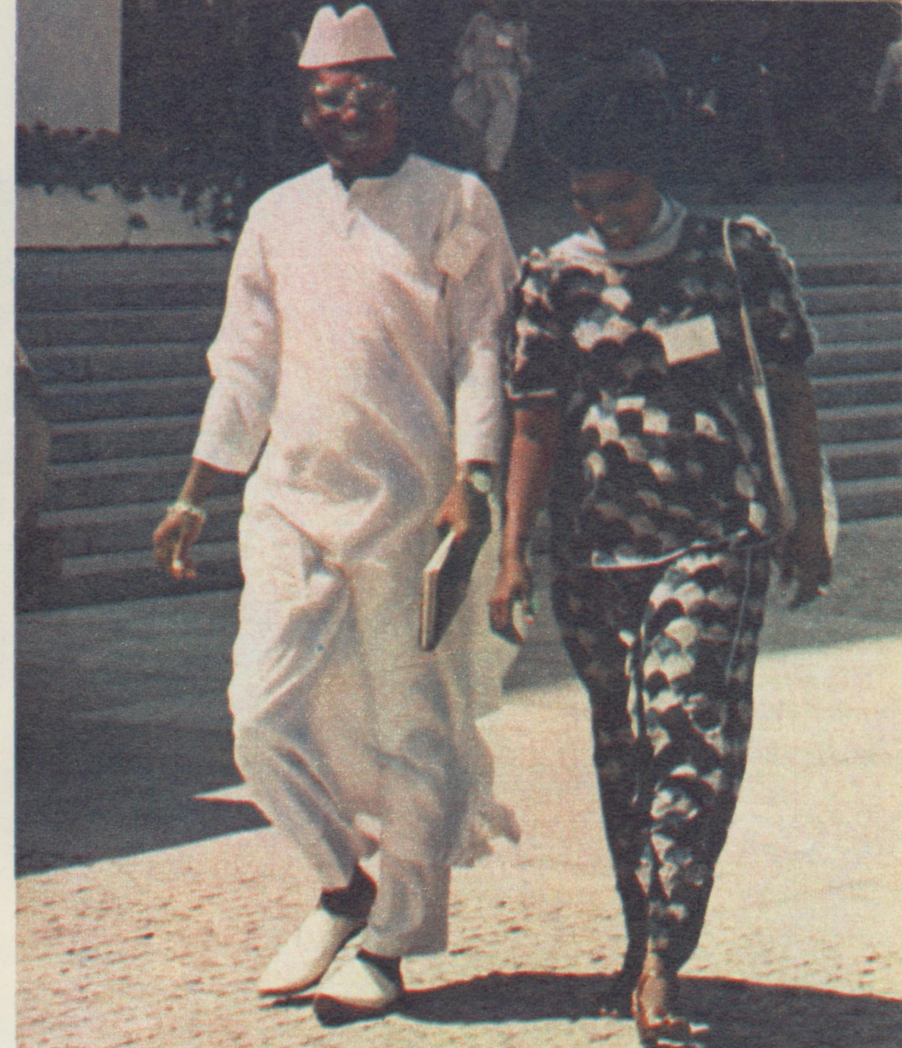
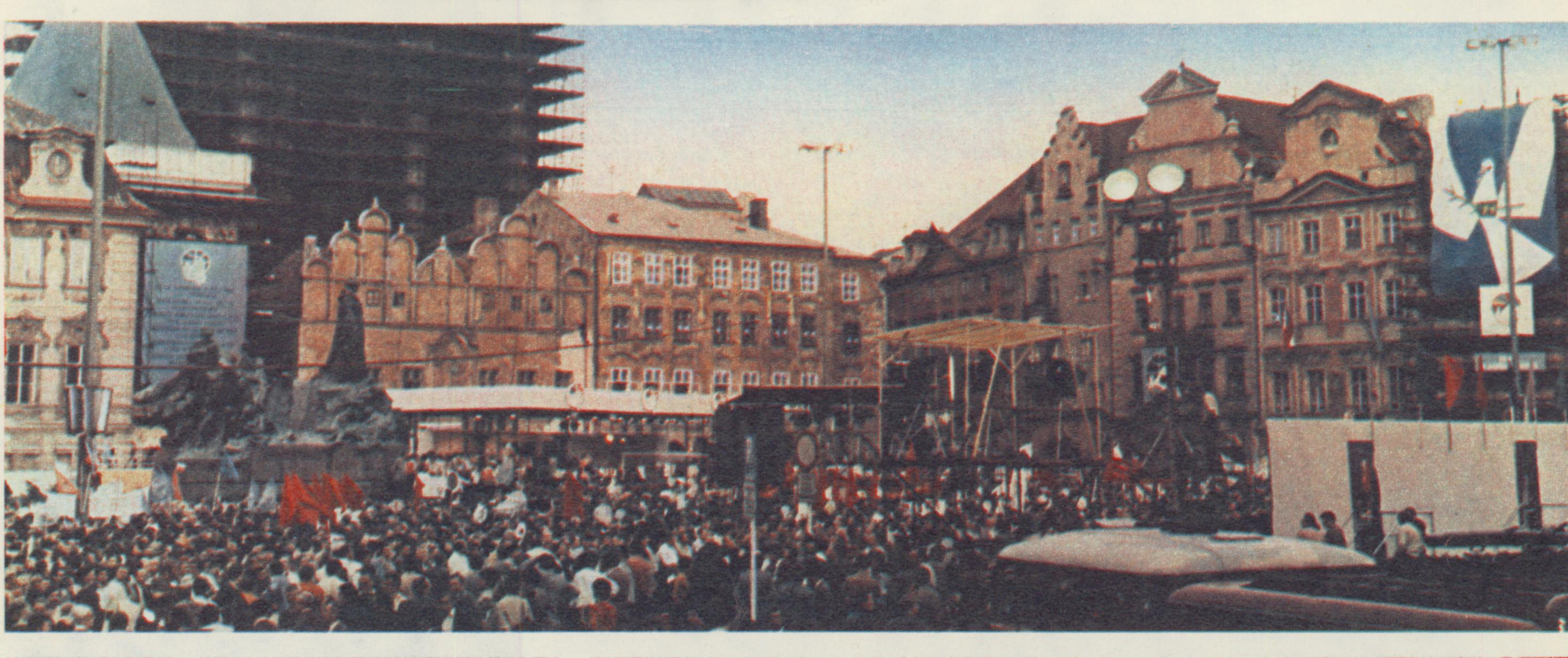
Да, народ Чехословакии знает, что такое война. Более 360 тысяч ее сынов и дочерей не вернулись с полей сражений второй мировой войны, из нацистских концлагерей и тюрем, погибли, сражаясь в рядах движения Сопротивления. Потому и открыли ассамблею дети из деревни Лидице, которую уничтожили фашистские захватчики. Потому и прозвучал в зале заседаний призыв национального героя Чехословакии Юлиуса Фучика: «Люди, я любил вас, будьте бдительны!»

К бдительности по отношению к проискам врагов разрядки призывали многие выступавшие на ассамблее. К бдительности и конкретным действиям. Отмечалось, что нарастающее с каждым днем движение против ядерной угрозы может и должно повлиять на улучшение международного климата.

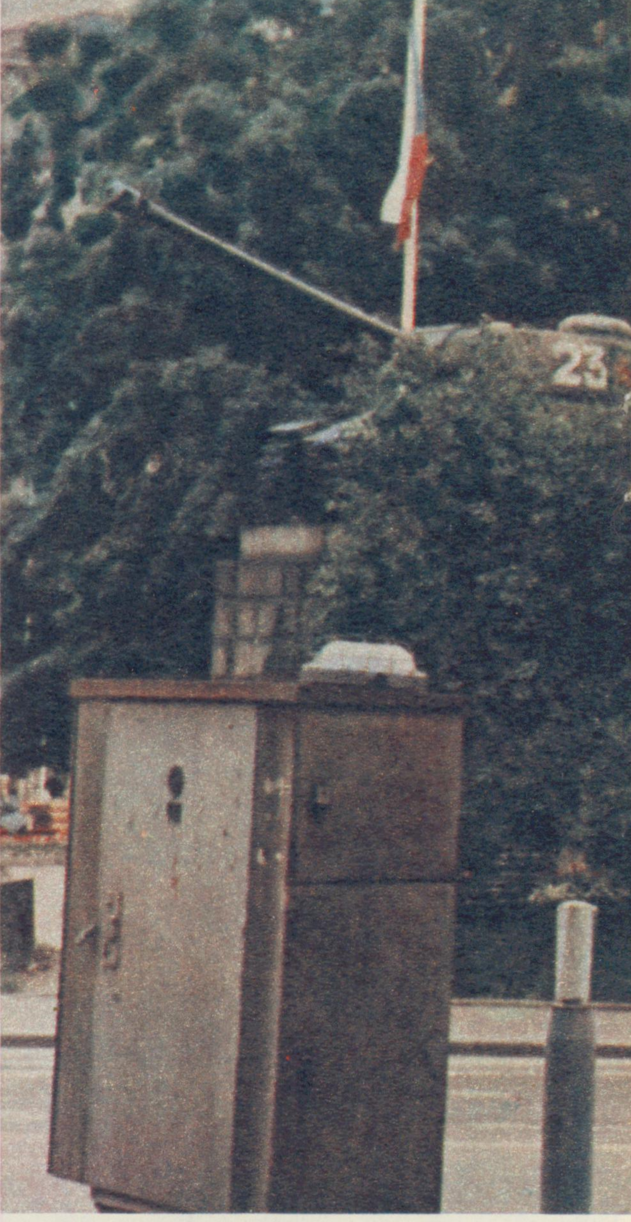
Как известно, в итоговом документе московской встречи руководящих деятелей семи социалистических стран было высоко оценено массовое антиядерное движение. В то же время в вильямсбергской декларации, где сформулирована позиция Запада, о разрядке даже не упоминается. Оно и понятно, ведь сам помощник президента США по национальной безопасности Уильям Кларк изволил заявить: «Я не могу сказать, что сейчас кто-либо думает о возврате к так называемой разрядке». Ассамблея в Праге убедительно продемонстрировала, что вопреки Кларку и ему подобным о разрядке думает весь мир.

Во время дискуссии о поиске форм сотрудничества была высказана такая мысль: «Когда горит ваш общий дом, вы не спрашиваете у своего соседа, который вместе с вами гасит огонь, коммунист он или консерватор, католик или мусульманин. Главное — быстрее потушить пожар, угрожающий вам обоим». Люди не должны допустить того, чтобы загорелся их общий дом.

Делегаты Всемирной ассамблеи * 200-тысячный митинг на Староместской площади.
НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Два флага — чехословацкий государственный и ассамблеи * Два символа рядом — советский танк, первым ворвавшийся в Прагу в мае 1945-го, и эмблема ассамблеи * Самодеятельный оркестр приветствует посланцев мира на Вацлавской площади.

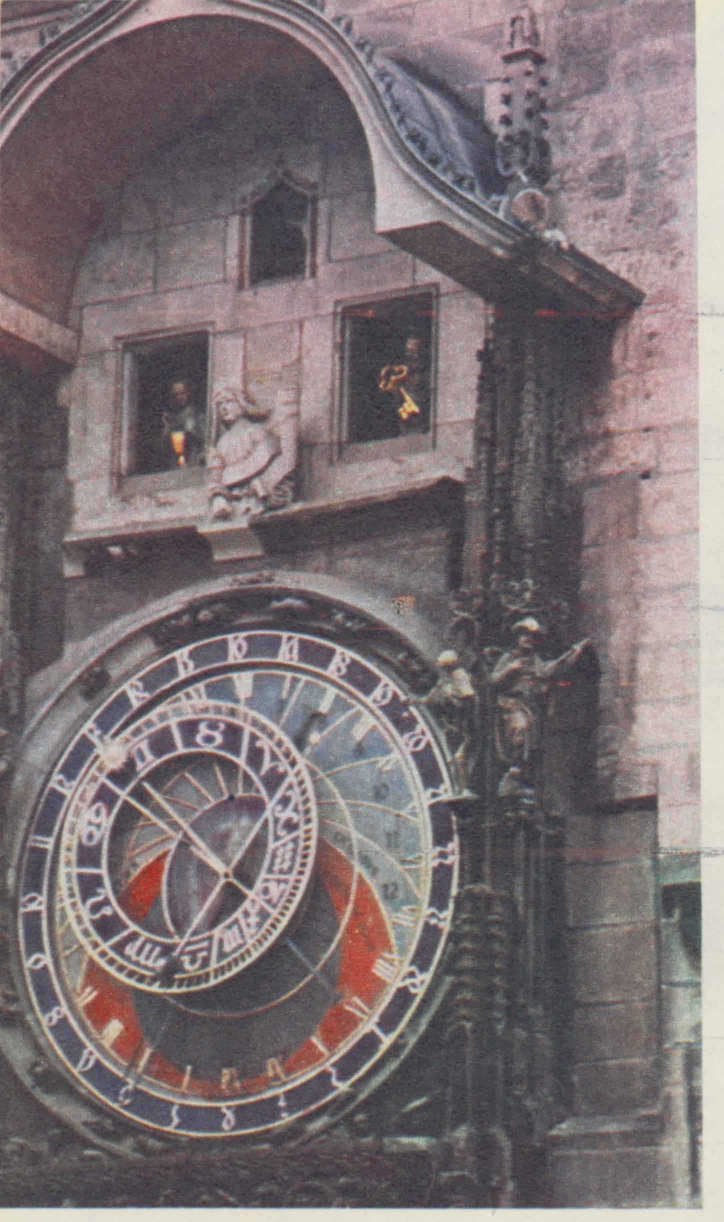
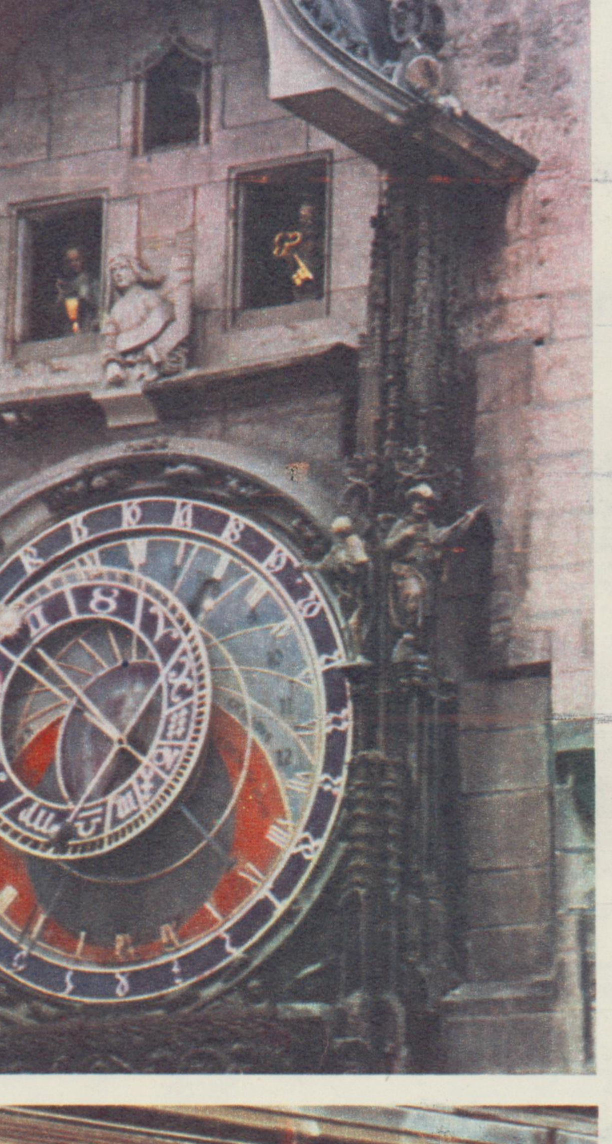

23

olivetti

UNION

Юрий ЧЕРЕПАНОВ
Фото А. НАГРАЛЬЯНА

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ФЕСТИВАЛЕ

...А в памяти он так и живет — будто это было вчера, а не два года назад — на верхней палубе фестивального теплохода, неторопливо следующего по речной глади к просторам подмосковного водохранилища. Мощная фигура в белом полотняном костюме открыта ветрам со всех сторон, и развеваются кольца смоляных его волос. Стоит он в текучем солнечном мареве, в звездной осыпи бликов от воды — Мигель Литтин, известный кинорежиссер, изгнанник из Чили, молодой друг великого поэта Пабло Неруды, близкий товарищ кубинского писателя Алехо Карпентьера и колумбийского прозаика Габриэля Гарсиа Маркеса. По их произведениям он ставил свои яркие политические фильмы: «Превратности метода», «Вдова Монтьель»... Один из близких помощников Сальваторе Альенде, он, Мигель Литтин, едва избежал участи многих, казненных Пиночетом патриотов. Друзья переправили его в Мексику, а потом туда же вырвалась жена с детьми. Трагическую историю эту он и рассказал в тот день на палубе покарнавальному праздничного теплохода. Трагическую, но с оптимистическим финалом.

— Знаешь, о чем я сейчас думаю?— говорил он (мы с ним на «ты» не по праву сверстников, а по праву товарищества, к которому все приобщаются на Московском и Ташкентском кинофестивалях).— Так вот,— продолжал Мигель,— теперь я приступаю к съемкам фильма в Никарагуа. И думаю о мальчике, который хотел летать, мечтал о крыльях, чтобы парить в бездонной синеве неба, рядом с птицами, увидеть всю землю, а столкнулся с войной, с кровавой жестокостью... Сколько же талантливых людей, сколько гениев недосчиталось человечество из-за бесконечных войн!..

Что-то есть в Мигеле Литтине от его фамилии. «Литос» — «камень». При всей нежности души, лиризме характер его — кремень, и сам он будто отлит из бронзы с чуть матовым отливом,— среди предков Литтина не только чилийцы, но и греки и палестинцы... Каким надо быть стойким, чтобы выдержать все испытания и все же снять этот прекрасный фильм «Альсино и Кондор», ставший золотым призером нынешнего Московского кинофестиваля! Мне рассказывали в минувшие июльские дни друзья Литтина (сам он не мог приехать на этот раз в Москву), как создавалась картина, впервые представлявшая на конкурсе Никарагуа, но фактически говорившая от имени всей Латинской Америки. Ведь она рождалась в содружестве художников разных стран, Кубу представлял замечательный оператор Хорхе Эрреро (снявший картину «Лусия» — золотой призер одного из московских фестивалей), Мексику — три актера; роль американского вертолетчика, капитана Фрэнка поразительно сыграл актер из США Дин Стокуэлл, мужественный человек, знавший, что за этим последует политический нажим на него... Можно сказать, все они работали над фильмом за чисто символическую плату, правительство Никарагуа смогло выделить сумму всего в 60 тысяч долларов, а это меньше гонорара иного, не столь уж и известного голливудского актера...

Да, фильм «Альсино и Кондор» снимался в содружестве кинематографистов Никарагуа, Кубы, Мексики и Коста-Рики. И совместно им удалось, казалось бы, невероятное,— создать произведение такой силы, что оно стало лучшей картиной года в западном полушарии (так было объявлено недавно в Лос-Анджелесе). И это несмотря на то, что съемки дважды прерывались: из-за начавшихся вблизи Никарагуа американо-гондурасских военных маневров, когда многим участникам фильма пришлось покинуть рабочую площадку и с оружием в руках отправиться на защиту границы; и из-за смерти оператора Хорхе Эрреро, не выпускавшего камеры из своих рук до последней минуты жизни... Приходилось переснимать вновь и многие массовые сцены: никарагуанские бойцы, принимавшие в них участие, постоянно менялись, уходили в бой за родину; приходили другие, а на экране ведь нужны были те же лица... Благодаря искусству и мастерству Мигеля Литтина, энтузиазму всех участников картины она была снята всего за четыре месяца!

Фильм этот нельзя смотреть без волнения и восхищения, без глубокого сопереживания. Ведь мечта маленького Альсино о полетах, это — пусть не осознанная еще мальчиком — мечта о свободе. Об иной жизни. Полет с дерева кончается для него тем, что он становится горбуном. И это тоже метафора. Жестоко столкновение мечты с реальностью. Антинародный режим Сомосы калечил и физически и духовно народ, держал его в невежестве: игравший роль Альсино мальчик тринадцати лет Алан Эскивель, сын рабочего, например, никогда не учился в школе. Но, запоминая свою роль «на слух», он при этом обнаружил поистине необыкновенные способности! Может быть, потому так поразительно достоверен на экране его Альсино! Ведь нельзя сыграть боль в глазах мальчика, ставшего свидетелем чудовищной расправы сомосовцев, когда, как звучит с экрана, «реки были полны трупов»... И совсем не вольная птица — этот «Кондор», вертолет с нарисованными хищными когтями на борту, куда завлекает Альсино американский инструктор Фрэнк, чтобы полетать с драконьим ревом, а потом сфотографировать мальчишку «на память», как это делали гитлеровцы в сожженных ими деревнях.

Мы увидим в финале, как возмужает Альсино. Как мечта о полете воплотится в мечту о свободе, за которую надо бороться и отстаивать ее с оружием в руках. И тогда выпрямится горбун Альсино!.. И это тоже метафора.

Я потому столь подробно остановился на фильме «Альсино и Кондор», что эта поэтичная и страстная картина, исполненная лиризма и эпичности, соединяющая реализм с метафоричностью киноязыка, раскрывает с особой силой один из главных уроков, данный минувшим Московским фестивалем кинематографистам разных стран. Урок единения, высокой интернациональной солидарности, позволяющей достигать гармонии социально и политически значительного содержания фильма с художественно совершенной формой.

Это подтверждает и другой фильм — «Амок!» марокканского режиссера Сухейля Бен Барка, ставшего знаменитым сразу после премьеры: теперь эта лента идет уже в 57 странах. Думается, получив золотой приз XIII Московского кинофестиваля, она станет еще более популярной и пробьется на экраны многих западных стран. Это действительно талантливое произведение. В создании его принимали участие кинематографисты Марокко, Сенегала, Гвинеи, актеры из разных стран, в том числе и европейцы. На экране мы видим сплав из семейной трагедии и политической хроники, сплав документа и кинометафоры, буйства красок и зловещей тьмы, когда экран погружается в мрак... Потрясают сцены расстрела толпы и другие кошмарные эпизоды жизни коренного населения в расистской ЮАР. Судьба сельского учителя Мэтью, который отправился по вызову знакомого священника в пригород Иоганнесбурга Соуэто, чтобы найти попавших в беду сестру, брата и сына, фокусирует горькую судьбу народа. Выразительно «хождение» Мэтью по кругам расистского ада... Брат Мэтью, Делиус, работает на заводе, где рабочие бастуют против беззакония. Сестра Жозефина стала проституткой, торгует наркотиками. Сын Гашпар оказался вором и убийцей. Так вот почему никто и никогда из ушедших из родной деревни в Иоганнесбург не возвращался назад,— они заживо погибали тут, в аду на земле!.. «Что здесь происходит? Это невероятно!» — все время восклицает Мэтью. Это горькая лента. Сильная. И опять-таки скажем о мужестве Сухейля Бен Барка и его товарищей по фильму, стремившихся показать на экране суровую правду и только правду. Им удалось не только проникнуть за кордоны расистского режима, но и нелегально снять многие документально достоверные кадры в самом Соуэто.

Содружество!.. Благодаря ему кинематографисты Организации освобождения Палестины, Народной Демократической Республики Йемен и СССР создали гневный и страстный фильм «Над Бейрутом чужие облака». Автор сценария и режиссер Фадель Мутлак, отмеченный золотым призом по конкурсу короткометражных лент. А режиссер из ГДР Йоахим Чирнер снял картину «Канто Генераль — всеобщая песнь» — о греческом композиторе, лауреате международной Ленинской премии мира Микисе Теодоракисе и о Пабло Неруде, пламенном поэте Чили. И эта лента стала призером — серебряным — нынешнего кинофорума в Москве. Подобные примеры легко умножить.

Или можно напомнить о том, что один из событийных фильмов последнего времени — «Красные колокола» Сергея Бондарчука — создавался совместными усилиями советских, мексиканских, итальянских кинематографистов с участием актеров из США и Швеции. А испанский режиссер Хуан Антонио Бардем вместе с болгарскими мастерами кино снял яркую ленту о Георгии Димитрове... Да, сегодня консолидация прогрессивных кинематографистов в борьбе за гуманизм, взаимопонимание, мир и дружбу между народами, за социальный прогресс выражается и в такой форме сотрудничества. Так, например, совместно с СССР будет создаваться фильм об израильской агрессии против Ливана. Задумана работа одной из американских кинофирм в эпическом сериале «XX век» под художественным руководством народного артиста СССР Льва Кулиджанова.

Турецкие кинематографисты готовятся снимать экранизацию повести Чингиза Айтматова «Пегий пес, бегущий краем моря»... Впрочем, трудно даже перечислить все совместные начинания, задуманные в фестивальные дни...

Немалую пищу для размышлений дали представленные на суд жюри и зрителей «Отверженные» по Виктору Гюго, «Доктор Фаустус» по Томасу Манну, «Васса» по пьесе М. Горького «Васса Железнова», «Счастье по случаю» по одноименному роману канадской писательницы Габриэль Руа, бразильская лента-экранизация «Сержант Жетулио»... Да и картина

Часы на городской ратуше * Сестры * Знакомство с Прагой * Дети выступают перед участниками ассамблеи * Прогулка по Влтаве.

Встреча друзей в Звездном городке.

Кинематографисты из Франции в Московском Кремле.

Актер и режиссер Альберто Сорди (Италия) приветствует зрителей.

Френсиса Форда Копполы «Изгои» — и это тоже экранизация нашумевшего бестселлера юной американки, взявшейся за перо, чтобы поразмышлять о своем поколении, об «изгоях» богатой — и нищей по духу — Америки.

Разные картины, разного идейного и художественного достоинства. Но есть качество, которое, пожалуй, их объединяет. Это, если так можно выразиться, **политизация** содержания, то есть укрупнение, выделение именно политических, социальных мотивов; стремление активизировать сознание зрителей, наново перечитать при помощи экрана прозу, причем без какого-либо насилия над текстом, а, наоборот, углубляясь в философские, социально важные пласты.

Прежде всего это касается «Отверженных» и «Доктора Фаустуса», отмеченных призами фестиваля. Робер Оссейн, например, меньше всего стремится к иллюстрации романа своего знаменитого соотечественника. Будучи знатоком и поклонником Виктора Гюго, Робер Оссейн читает «Отверженных» именно глазами современника. И когда в финале мы видим строки Виктора Гюго: «В наше время, когда стоят еще сумерки цивилизации, отверженный именуется **ЧЕЛОВЕКОМ**; и он испытывает смертную муку на всех широтах, он жалуется на всех языках земли»,— нам кажется, что великий Гюго заглядывал и в наш век.

В отличие от Жана Габена, чей кинообраз Жана Вальжана надолго остался в памяти, Лино Вентура рисует натуру более сложную. Он не идеализирует своего героя. Раскрывает ложность посыла «безграничного человеколюбия», идеи классового мира, «социального Эдема». Так ли исторически сложилась социальная жизнь Европы, чтобы людей разных классов могла примирить «взаимная любовь»? Конечно же, нет! И Жавер в превосходном исполнении Мишеля Буке фигура по-своему трагическая. Он верный служака неправового порядка. И потому единственный, истинно человеческий порыв приводит его к неумолимому расхождению с самим собой и, как следствие, к самоубийству. Робер Оссейн находит блестящий иронический ход, заставляя зазвучать в закадровом голосе поистине страшное «завещание» Жавера — доподлинные «заветы» полицейского чина. Как же беспредельно глубока бессмысленность жизни человека, который посвятил ее служению ложным идеалам!.. О многом заставляет задуматься эта интересная экранизация.

Ведь и Жавер тоже отверженный человек. Отверженный от истинной жизни.

Анализ распада личности, пошедшей на сделку с дьяволом, трагический разлад с самим собой художника, порвавшего с гуманистическими идеалами искусства,— в центре экранизации знаменитого романа Томаса Манна «Доктор Фаустус» (ФРГ). Скажем сразу, романа необыкновенно сложного и для чтения, а не то что для экранизации! Режиссер Франц Зайтц и не стремится к передаче всей многогранности произведения Т. Манна; он ограничивается детальной разработкой одной темы: какие же превращения происходят с человеком незаурядным и талантливым, если в нем прорастают ростки ницшеанства, «избранности», предвосхитившие и оправдавшие фашизм?

Фильм Ф. Зайтца — прежде всего антифашистский, ибо судьба композитора Адриана Леверкюна рассмотрена в нем в неразрывном единстве с трагической судьбой Германии. И тут особо впечатляют документальные кадры хроники, словно раздвигающие рамки повествования. Еще не произошла трагедия; наглые, сытые в своей вседозволенности лица мелькают в вагонном окне проходящего поезда. И мы слышим голос историка Серенуса Цейтблома: «Ад сегодня отождествляется с миром земным. Род людской и сатана, Фауст и Мефистофель перенимают лик друг друга... Боже, смилуйся над бедной душой моего друга, моей отчизны...»

Позиция создателей фильма не может не вызвать горячего сочувствия и уважения.

Среди 250 фильмов, показанных на фестивальных экранах, были разные картины. Разумеется, немало было картин, повествующих о новом мире, о нравственных исканиях человека, строящего общество, основанное на высоких принципах гуманизма. Недаром среди призеров и дипломантов фестиваля были названы болгарская лента «Равновесие», чехословацкая «На асфальте коней пасла», монгольская «Пять пальцев одной руки», румынская «Возвращение из ада»...

Были и другие фильмы. Отдававшие дань коммерческому, развлекательному кино. Но не они задавали тон...

Пожалуй, один из главных уроков фестиваля — в подтверждении истины, о которой говорил в своем послании к участникам и гостям киносмотра Ю. В. Андропов: «...Подлинное искусство, пробуждая в людях добрые чувства, помогая взаимопониманию между народами, может достойно послужить тому, чтобы завтрашний день был благополучнее и спокойнее сегодняшнего».

Вот почему так сердечно при-

Канадская актриса Мирей Деглюн.

Создатель фильма «Амок!» режиссер Сухейль Бен Барка.

ветствовали американку Джоан Харви все, кто видел ее страстный и взволнованный фильм-интервью «Америка от Гитлера до ракет «МХ»».

— Наш фильм,— говорила обладательница специального приза жюри Джоан Харви,— посвящен проблеме ядерного замораживания. Он не имел широкого проката в США, однако был тепло принят молодежной аудиторией, многочисленными американскими антивоенными организациями. Был удостоен награды Лондонского кинофестиваля, демонстрировался в Европе, имел большой общественный резонанс...

Активность позиции художника проявлялась не только во многих фестивальных фильмах, но и в многочисленных высказываниях участников и гостей из 102 стран; на пресс-конференциях и на встречах с рабочими на заводах и фабриках, с колхозниками. И на симпозиуме, отвечавшем девизу кинофестиваля «За гуманизм киноискусства, за мир и дружбу между народами!», где весь кинематографический мир сказал свое весомое: «Нет — войне!».

А. ЯР-КРАВЧЕНКО,
народный художник РСФСР,
лауреат Государственной
премии СССР

Завидная судьба

Знакомство наше — правда, короткое, что говорится, на ходу — состоялось в дни ленинградской блокады. Как было не обратить внимания на высокого, стройного, красивого офицера, начальника отдела фронтовой жизни редакции газеты «На страже Родины».

...Прошло почти двадцать лет. Слава В. А. Кочетова уже гремела, страстные полемические романы вызывали споры и жаркие дискуссии. Жизнь неоднократно сводила нас вместе: в президиумах различных торжественных собраний и заседаний, на выставках, в кулуарах партийных форумов, съездов писателей, художников... Мы здоровались, обменивались дружелюбными фразами, но никогда не заговаривали об эпизодической встрече в блокадном Ленинграде. Может, Всеволод Анисимович и не сохранил ее в своей памяти, ведь он тогда только-только вернулся с передовой и с места в карьер засел за статью в уже верставшийся номер газеты. Неловко было «набиваться в приятели» к автору знаменитых «Журбиных». Впоследствии оказалось, что ничего-то он не забыл, отлично помнит и меня и мои фронтовые зарисовки, наброски портретов героев — защитников города на Неве, многих из которых он знал лично.

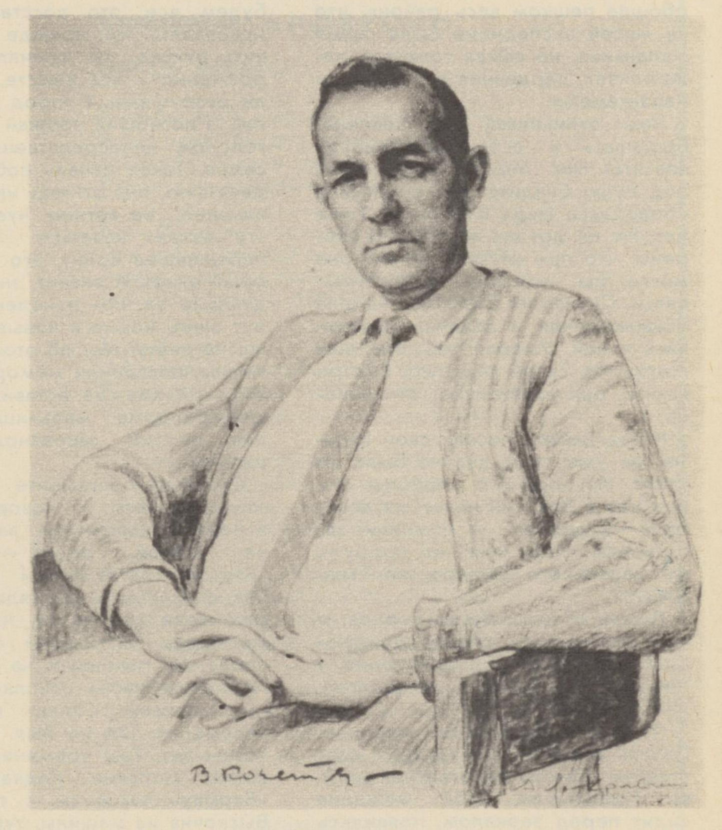
Сдружил нас Федор Иванович Панферов, которого Всеволод Кочетов позднее сменил на посту главного редактора журнала «Октябрь». И вот он в моей мастерской на улице Горького — высокий, стройный, красивый. Такой же, как прежде; лишь что-то неотгаданное появилось у него в глазах: великая умудренность, строгость в сочетании с доброжелательностью и лукавством рождали органично спаянный симбиоз неповторимого, столь завораживающий и неудержимо притягательный для нас, художников. Мне приходилось видеть на вернисажах мастерски выполненный Евгением Вучетичем бюст Всеволода Кочетова, портреты писателя, созданные Александром Герасимовым и Павлом Судаковым, однако для своей галереи выдающихся деятелей советской литературы, работу над которой я начал с портрета А. М. Горького, мне хотелось запечатлеть на холсте МОЕГО Кочетова.

Я наблюдал Всеволода Анисимовича в разнообразных жизненных ситуациях, изучал его характер, интересы, шаг за шагом постигал внутреннюю суть моей модели. Часто бывал у него дома и в редакции. Постепенно образ этого замечательного Человека, Писателя, Коммуниста расцвечивался яркими красками, обогащался все новыми и новыми оттенками. С каким, например, вдохновением и страстью излагал он с трибуны партийного съезда свое творческое кредо, кредо соратников по перу! Вспоминаю, как безупречно умел он выстраивать рисунок беседы с западными «специалистами по советской литературе»; он отнюдь не выступал в роли любезно-слащавого дипломата, напротив, становился предельно обостренным, я бы сказал, даже безжалостным в отстаивании чистоты наших идеалов, партийности и народности нашего искусства, в развенчивании буржуазных «свобод».

А с каким беспредельным дружеским участием относился он к товарищам, реагировал на их просьбы, выручал из всевозможных неурядиц — творческих и житейских!

Он много путешествовал по стране, часто выезжал за рубеж. И читал, фанатически жадно читал. Я любил, бывая у него дома, рыться в стопах книг, которые высились в его кабинете на столе, на подоконнике, попросту на полу. В каждой множество закладок, каждая была испещрена карандашными пометками и надписями на полях. «Зачем все это?— спросил я однажды, пролистав монографию о Ватикане, записки битого немецкого генерала, сборник документов из истории ВЧК, брошюру по кибернетике, уж и не припомню сейчас, что еще.— Зачем тратить такую уйму времени на то, что скорее всего никогда не пригодится?» «Пригодится,— уверенно ответил Всеволод Анисимович.— Все, что человек узнает, ему в той или иной мере пригождается. Писателю — тем более. Я терпеть не могу приблизительности в литературе».

Всеволод Анисимович Кочетов был великолепным собеседником. Ему было присуще и еще одно редкое качество. Он умел слушать — внимательно и заинтересованно, напряженно и не прерывая, но живо реагируя на услышанное.

В. А. Кочетов. Художник А. Яр-Кравченко.

В процессе работы над портретом разговор наш всегда так или иначе «замыкался» на ответственности писателя, художника перед обществом, перед грядущим. Какое место должны занимать деятели литературы и искусства в строю борцов за мир, за сохранение всего живого на земле? Этот вопрос в высшей степени волновал Всеволода Анисимовича. Всем своим творчеством он отвечал на него.

Трудно, крайне трудно было вместить в портрет удивительную многогранность и одновременно необыкновенную цельность Всеволода Анисимовича Кочетова. Не берусь судить, насколько мне это удалось, но я постарался изобразить его именно таким.

Ия МЕСХИ

Недавно в руки мои попали взволнованные детские письма из одного грузинского села об одной и той же девочке, тринадцатилетней школьнице Майе. В них говорилось, что Маико «училась не для отметок, а чтоб овладеть знаниями», что была «чувствительная и чуткая к чужой боли», «активная пионерка и отличный друг», что была «юным натуралистом, фенологом и следопытом, обошла пешком весь район», что «в нашей экспедиции была самая маленькая, но самая толковая, талантливая, сердечная и с сильным характером».

Чем отличилась эта девочка? Бросилась в огонь кого-нибудь спасать? Нет. Может быть, стала под пулю бандита, как сухумская стюардесса Надя Курченко? Тоже нет. Но ее друзья абсолютно уверены, что при случае все это она могла бы сделать, не задумываясь. Случая не было, жизнь шла обыкновенная, а девочка выделялась в ней. Умерла же она, как говорится, своей смертью, быстро как-то, ошеломительно, от лейкоза.

Когда ребята писали свои письма, ее уже года два не было на свете. Из восьмого перешли они без нее в девятый класс, из девятого — в десятый. А помнили, заботились, чтоб имя их подруги, их маленького лидера, не было забыто.

Думая об этих детях, вернее, о том, как назвать чувство, владеющее ими столь долговременно и прочно, я не нахожу иного слова, как печаль.

Печаль — чувство сокровенное. Печаль влюбленных, которые расстаются. Печаль безответной любви. Представим себе: женщина сидит перед зеркалом, появились первые морщины, первые седины. Никакими силами не предотвратишь. Никакими красками и массажами не скроешь. Закон жизни. Или вот уходит человек на пенсию, его тепло провожают, говорят одни приятные слова. Он, естественно, благодарен, он улыбается. Но безрадостна улыбка: неужели все? Неужели навсегда?..

А разве не приходилось вам наблюдать, в каком веселом возбуждении переезжает семья из старого в новый дом? Погружаются последние узлы, суетятся ребятишки, и только один человек (дед, наверно?) поглядывает на старый дом с печалью. У него здесь были счастливые дни.

Печаль — это тень радости. Иногда попечалиться даже необходимо. Надо дать разрядку бурному ритму жизни, послушать грустную музыку, почитать грустные стихи. Где-то это граничит с состоянием отдыха, душевного покоя.

Но печаль бывает не только сокровенная. Вырастает она и в чувство большого общественного звучания. Тогда, например, когда мы видим, как стихийное бедствие разрушило город, вода затопила возделанное поле, солнце иссушило землю... Произошло то, что не зависит от человека. Конечно, мы приложим свои усилия, будем все это восстанавливать, исправлять. Но, прежде чем засучить рукава, мы опечалимся непременно и все вместе, даже если разрушенный город далеко от нас, а погибший урожай не грозит голодом непосредственно нашей семье. Такая печаль побуждает к действию, она отнюдь не расслабляющее, не ватное чувство, как это может казаться. Поколение, пережившее войну, это очень хорошо знает. А значит, знает и следующее за ним поколение, и будут знать новые и новые... Ну как же не знать? Мы об этом позаботились, построили мемориалы, памятники, кое-где оставили разрушенные дома, мельницы, пробитые пулями железнодорожные вагоны...

Стоит на постаменте такой вагончик-решето в Новороссийске, в районе цементных заводов. А на Малой земле — памятник «Взрыв», составленный из осколков фашистских снарядов. Как-то раз, года два назад, находились мы перед «Взрывом» с бывшим солдатом, раненным на этой земле одним таким осколком. Стояли, молчали. Солдат про себя вспоминал. Он не был тут почти сорок лет. Тем временем, словно волны морские, подкатывали к «Взрыву» автобусы с туристами. Выскочив из машины, туристы быстро выстраивались спиной к памятнику, лицом в фотообъектив. Солдат, конечно, деликатно сторонился. А экскурсовод, чтоб не терять времени, тут же скоропалительно прокручивал свой текст. «Готово!» — восклицал фотограф. «Быстро в автобус! Дальше поехали!» — подгонял экскурсовод. И так автобус за автобусом...

Смотреть на такое больно. Представлять себе, как кто-то порой хвастается такой фотокарточкой с торопливо сделанной скорбной миной,— омерзительно. Кому это нужно? Ни мертвым, ни живым!

В Тбилиси, как и в любом большом городе, есть несколько кладбищ. Среди них и уже закрытые, где за редким исключением давно не хоронят. Они почти не посещаются. Я иду туда.

Склон крутой горы. Когда-то это место было далеко от города. Сегодня высотные дома уже подступили к нему. Здесь тихо, густые заросли. Дорога, идущая вверх, приводит к старой церкви. Из старого домика выходит молодая симпатичная женщина, представляется смотрителем кладбища Джулией Бабаян. Несколько лет назад окончила Ленинградский технологический институт. Потом перенесла сложнейшую операцию на сердце, не позволяющую ей работать по специальности. Но почему работает здесь? А потому, что в этом доме родилась, дед ее и отец были директорами кладбища. В общем, династия. Осматриваем вместе: кто тут покоится?

Владимир (Ладо) Захарьевич Кецховели, известный революционный деятель Закавказья, большевик, один из организаторов Бакинского комитета РСДРП, подпольной типографии «Нина». Его застрелили в тюрьме в 1903 году. Бронзовая фигура на могиле Хосе Диаса: одна рука сжата в кулак, другая держит стяг. Генеральный секретарь Компартии Испании умер здесь в 1942 году. Группа советских генералов, погибших на Кавказском фронте под бомбежкой: Андрей Семенович Зоделава, Алексей Николаевич Садджая, Павел Иванович Бодин, Калистрат Несторович Шерозия.

Очень теплая надпись на могиле врача Николая Алексеевича Худадова, погибшего от пули черносотенца в 1907 году: «Бескорыстному общественному деятелю и лучшему другу бедных и больных». Скромный обелиск и ограда, сбитая из рельсов и болтов железнодорожными рабочими.

Могила народного артиста СССР Михаила Михайловича Климова. С 1909 года работал в московском Малом театре. Когда Малый гастролирует в Тбилиси, актеры приходят сюда. Я уж не называю имен, которые говорят о многом только тбилисцам.

Этой весной в газете «Комунисти» (орган ЦК Компартии Грузии) появилось письмо Героя Советского Союза Мелитона Кантария, который вместе с Михаилом Егоровым водрузил Знамя Победы над куполом берлинского рейхстага.

«Годы у меня прибавляются,— пишет Кантария,— близкие уходят, но что поделаешь? Как сказал Руставели, никому из живущих не дано преодолеть земного установления...»

Что же беспокоит его? Беспокоят связанные со смертью человека старые, отжившие свой век или искаженные ритуалы вроде возлияний «за упокой души», которые устраиваются под маской уважения к памяти предков. Беспокоит состояние кладбищ, где наряду с невероятно пышными памятниками, воздвигнутыми не столько по достоинству усопшего, сколько по наличию у родственников денежных средств, соседствуют заброшенные могилы, при виде которых невольно сжимается сердце. Он ратует за установление особого дня: «освободившись от ежедневных забот, отложив все дела, посвятить его памяти ушедших из жизни близких и дорогих людей: посетить их могилы вместе с детьми и внуками, отнести цветы и отдаться истинно человеческим переживаниям». Возможно, тогда, выражает надежду автор письма, преобразятся неухоженные могилы и поймут те, кто до сих пор этого не понимает, что сим местам не пристала помпезность.

Тысячу раз прав герой войны, знающий цену жизни и смерти. И это именно тот случай, когда печаль по близкому тебе человеку, чувство, казалось бы, личное, никого, кроме тебя, не касаемое, становится предметом и общественного беспокойства.

Да, есть такое беспокойство, потому что все, что относится к жизни человека, жизни семьи, воспитания в этой семье уважения младших к старшим, воспитания культуры, скромности, а не крикливого мещанства,— все это отражается и в том, как мы храним память о родных.

Письмо Кантария получило единодушное одобрение не только отдельных, откликнувшихся на него людей, но и целых трудовых коллективов. Рассмотрел этот вопрос Центральный Комитет Компартии Грузии. Принято постановление о едином для республики Дне памяти родных и близких. А как же иначе? Разве новая, только что нарождающаяся традиция не свидетельствует о желании укрепить неразрывную связь поколений? Разве не зовет к воспитанию лучших нравственных качеств и устремлений? А значит, требует и некоторых организационных мер. Скажем, чтоб бесперебойно в этот день работал транспорт, чтоб можно было купить цветы, саженцы, рабочие инструменты, краску и другие «мелочи» для благоустроительных работ. Обо всем этом сказано в постановлении грузинского ЦК. А также о приведении в порядок братских кладбищ, мемориалов и пантеонов, домов-музеев видных государственных и общественных деятелей. И о том, чтобы в этот день в рабочий перерыв чествовать победителей социалистического соревнования, борющихся за призы имени известных рабочих и колхозников, устраивать ритуал передачи именных инструментов молодым рабочим, присваивать отличившимся студентам именные стипендии.

Так печаль о тех, кто прожил достойно, кто оставил след, завоевал уважение и любовь потомков, прорастает в глубокую и благодарную память.

Кстати, что есть слово «печаль»? Корень его — пéча. У Даля в «Толковом словаре» объясняется так: «...забота, попеченье, хлопоты, усердное участье». И дальше разъясняется: «...приложи печу, печаль, попечалуйся об этом, позаботься, прими к сердцу».

Примем же к сердцу и это немаловажное дело — дело активной печали о Человеке. Это необходимо нам, живым.

Поэты Тайнсайда

Тайн — река на северо-востоке Англии, в низовьях которой находится крупный промышленный и портовый город Ньюкасл и его города-спутники — Гейсхед, Саут-Шилд, Сандерленд и другие. Это и есть Тайнсайд, район угольной, металлургической и судостроительной промышленности, район древней культуры и традиций.

Общество «Поэты Тайнсайда» образовалось в 1973 году, объединив в своих рядах любителей, страстно увлеченных поэтическим словом. Они выступают со своими стихами в клубах, библиотеках, кинотеатрах, на открытом воздухе — везде, где есть люди, желающие слушать стихи. Они издают два журнала — «Айрон» («Утюг») и «Нортен лайт» («Северный свет»), однако в основном это публичные выступления, потому что, по их словам, в Англии становится все меньше и меньше читателей поэзии.

Различен возраст, профессиональные интересы и жизненный опыт поэтов Тайнсайда. отсюда и разница во взглядах на жизнь; пишут они в разной манере, чаще верлибром. Их волнуют самые различные вопросы, но все они искренне убеждены, что только в обстановке мира и взаимопонимания могут жить все простые люди Земли.

Мы знакомим читателей со стихами некоторых поэтов Тайнсайда.

Питер МОРТИМЕР

ПОКОЛЕНИЕ

Он жевал постоянно, не переставая,
пышные белые усы
были словно подкрашены
легкою желтою краскою.
Носки утопив целиком
в шерстяные тапки,
сидел, и молчанье
сменялось молчаньем,
лишь чашка порой дребезжала
и нудно стучали часы.
Все те, кто к нему приходил,
торопились уйти.

Я тоже.
Боялся я этой дрожащей костистой руки,
ко мне протянувшейся
в мареве спертого воздуха.
И мебель, казалось,
устала сама от себя,
и стены — все в мертвых цветах.
Траншеи прошел он —
о нем говорили,—
вернулся живой,
весь во вшах.
Неделями он выбирал их.
Такие, как он,
в старых хрониках-фильмах
махали из окон вагонов,
невест обнимали и жен.
Движенья экранно-спешащие их
казались живыми.
Безумные черные пальцы
мелькали в оборванной ленте. Конец.
В канун рождества он вмещал себя
в пышное кресло,
бывал коронован
безвкусной цветастой бумагой
и он,
он всем улыбался,
подмигиваньям и поклонам,
надтреснутый голос был глух
оттого, что прошел невозможное.
Крошки висели на длинных усах.
А что о войне? Что о войне?
Хотел я спросить, но молчал
и глядел почему-то,
как жимолость тихо горит,
отражаясь в его голубых
увлажненных глазах.
Я видел лишь старого человека...
Прошло много лет с той поры,
как он умер.
Я редко его вспоминаю.
Над полем
проносится ветер шумящий,
и юноша в поле беспамятно пашет.

Перевела Лариса Васильева.

ФЕРНИХАУГ — ЧЕМПИОН БЕГА В МЕШКАХ

Единственный раз в году
вся школа о нем узнала.
Фернихауг — чемпион бега в мешках,
Рыжий вихрь на башке,
щеки в рыжем вихре веснушек
и заика.
Краснея, молча лез он
сквозь семестры,
в числе «и др.».
Он в классе был
ни первым, ни последним,
ни громким драчуном,
ни зыбким интеллектом,
сокрытым втайне до поры.
Могли вы крикнуть: «Здесь!» —
узрев румянца пятна.
На вызов вряд ли он
ответил бы занятно.

Но беспроблемно был он
массой поглощен, как все невнятное.

Спортивный день настал.
Ногами, по правилам
обернутыми в тряпки,
спокойно влез он в грузовой мешок;
и спотыкающимся лучше всех
и ковыляющим ловчей других
был он.
Коряво прыгал к цели Фернихауг
в мешке, пульсирующем аритмично,
с торчащей над мешком копной волос
и с непреклонным волевым лицом.
Ничто таких не остановит;
как он впитал тогда аплодисменты!
Как он раззявил рот,
восторженно дыханье затая!
Фернихауг — чемпион.
Победитель всей школы!
Ого!

А позже, под кивками снисхождения
педагогов,
под вежливым высокомерьем
педагогов,
почти не проявил мальчишка
давнишнего неверия в себя,
стоял, переминаясь неуклюже,
свой самый малый ожидая приз.

Алан С. БРАУН

ВОСХОДЯЩИЙ К ВЕРШИНАМ

Мне нужны топи, высоты
и безлюдные плато севера.
Артур Гибсон.

Край вереска. Рассвета синева.
Ты гром вложил в тяжелые слова.
Сильнее, чем камней замшелых глас,
Они задели за живое нас.

Мы на тебя глядели снизу вверх,
Безумно струны времени рвались.
В тумане скалы были вроде вех.
Ты шаг за шагом поднимался ввысь.

Переживет тебя навал ветров,
Безмолвье черное, слепящее глаза,
Голубизна разорванных шатров
Небесных. Ясной мудрости краса.

Тебе наградой будет краткий миг
Сознанья, что вершины ты достиг.

Перевела Екатерина Шевелева.

ДИКАРЬ И ЧЕЛОВЕК

Дикарь — шкура нá плечи,
травы жующий,
сквозь кратер
зеленой лужайкой идущий...
Сердце его отбивает покой,
и мир, и желанье невстречи с тоской.
Жестокие силы и неба, и моря
смягчает незнанье вселенского горя.

Зато человек забывает про нежность,
шагая в осеннюю боль
и безбрежность.
Надежды его исполнимы, покуда
он знает о чуде и верует в чудо,
но, как он желаньем
себя ни тревожит,
жестокости мира уменьшить не может.

Перевела Лариса Васильева.

Кристофер АНДЕРСОН

ЮНАЯ ЛЮБОВЬ

Если бы имел я драгоценный камень,
Я его берег бы для тебя одной,
Чтобы вспыхнула любовь, как пламень,
Яркой и неистовой красой.

Если бы имел я золотой покров,
Над тобой держал бы его день и ночь.
Чтобы холод не тревожил твоих снов,
Верным стражем гнал бы его прочь.

Если бы имел я крылатую квадригу,
Я бы в выси звездные тебя увез,
Раскрыл бы пред тобой вселенной книгу,
Показал бы тропы сокровенных грез.

И если бы имел я попрочнее нить,
Я сплел бы из нее стальные путы,
Чтобы не смогли разъединить
Нас никакие мелочные смуты.

А у меня лишь тобою разбитое сердце
Рвется в груди, как плененная птица,
В бессилье отчаянном, но все же надеется,
Что это не явь, что мне это снится.

И желтая роза — твой подарок разлуки —
Единственное, что у меня осталось
Лишь для того, чтоб усугубить муки
Напоминаньем, что ушла навеки радость...

Но что это?!
Красавица какая!
Ее не видел я вчера.
Сияет солнце надо мною вновь,
Ненастья пронеслась пора!
Я новую приветствую любовь!

Стив УОЛКЕР

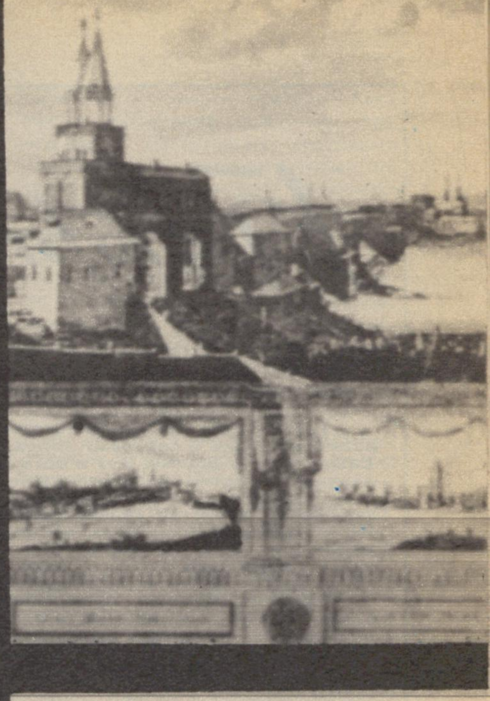
ОБЩЕСТВО УРОДОВ

Уединенье чтим,
Живем вдали от всех
И ненависть питаем к людям.
Случись кому прийти,
Он смерть свою найдет у нас.
(Я, правда, горшки еще леплю и всякие
корявые фигурки
Да библию почитываю одним глазом.)
Старея год от года,
Трясемся, что покончат с нами скоро,
А потому готовим яды и отравы
Да страшный и безжалостный огонь.

Перевела Светлана Прохорова.

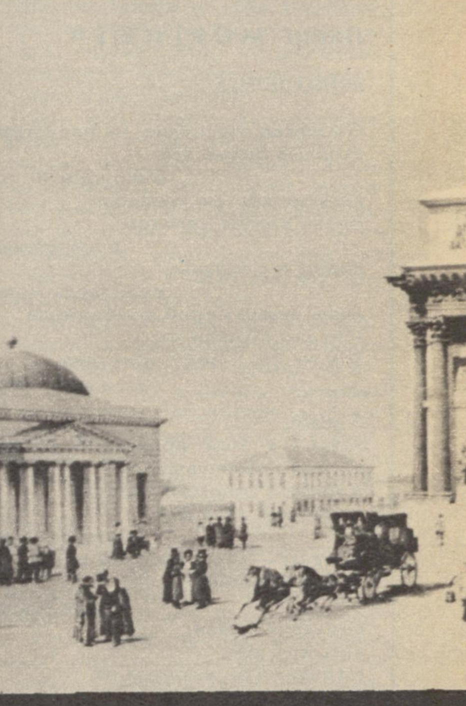
Возвращенная КРАСОТА

Л. ЛУКЬЯНОВА
Фото Ю. ЩЕННИКОВА

Копия иконостаса Успенского собора Кирилло-Белозерского монастыря, созданная советскими реставраторами.

«Спасение» — вот, пожалуй, наиболее точное слово, определяющее смысл работ советских реставраторов, вновь открывших для нас имена, казалось бы, навеки забытых художников, вернувших к жизни старинные рисунки, гравюры, холсты, расширивших границы наших знаний, представлений об истории отечественного искусства.

Экспозиция «Новые открытия советских реставраторов», расположившаяся в Выставочном зале Ленинграда, бывшего Конногвардейского манежа, как бы подвела определенный итог сделанного за последние годы. Будь то реставрация и копирование крупнейшего из сохранившихся иконостаса Успенского собора Кирилло-Белозерского монастыря, или открытие новых имен в русской портретной живописи XVIII—XIX веков, или уникальный труд по возвращению к жизни огромной коллекции рисунков и гравюр с изображением русских городов — каждый из этих разделов выставки, подготовленной отделом пропаганды Всесоюзного научно-исследовательского института реставрации во главе с Савелием Ямщиковым, в здании предстает перед зрителем не просто очередным этапом деятельности реставраторов, но показывает реальную, жизненную необходимость их скромной, кропотливой работы.

И еще один раздел выставки — живописные холсты, графика костромского художника Ефима Честнякова. Первая небольшая выставка его работ в Москве потрясла искусствоведов, художников, всех, кто побывал тогда в маленьком выставочном помещении неподалеку от Третьяковской галереи. Грандиозную работу, проделанную московскими реставраторами под руководством С. Галушкина по восстановлению полотен Честнякова, еще, наверное, предстоит оценить в полной мере, как и определить само место творений художника в истории русского искусства.

«Гляди вперед и покажи твои грезы... — писал Честняков, — ...и по красоте твоих грез ты займешь свое место». Увидев однажды совершенный в своей гармонии мир, созданный художником, невозможно забыть его ясность, простоту, силу.

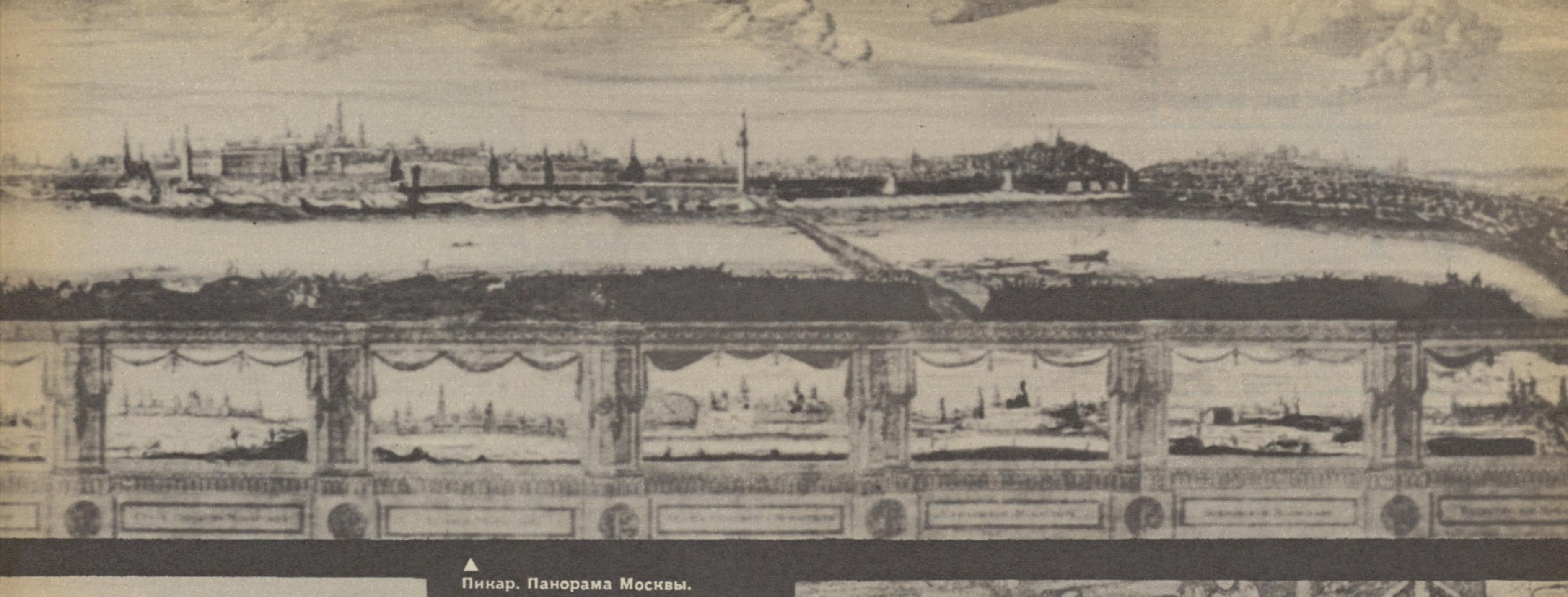
Прекрасный иконостас Успенского собора Кирилло-Белозерского монастыря — единственный из иконостасов XV века, сохранившийся почти полностью, но давно, еще в 20-х годах, вывезенный в крупнейшие собрания Москвы и Ленинграда — Русский музей, Третьяковскую галерею, Музей имени Андрея Рублева. Поэтому восстановление его в подлинниках в Успенском соборе невозможно. Перед реставраторами была поставлена сложнейшая задача — не только расчистить, возродить шедевры иконописи, но и создать их достойные копии. Стоит ли говорить о том, сколь нужны копии бесценных произведений для многочисленных выставок как у нас в стране, так и за рубежом, — ведь интерес к древнерусской живописи с каждым годом возрастает. Но ни один, даже хорошо сохранившийся оригинал не может выдержать частых длительных путешествий.

Продолжается открытие новых имен в портретной живописи XVIII—XIX веков. Так, в последние годы зазвучали имена угличского живописца Ивана Тарханова, художников П. Колендаса, Е. Каменженкова, Д. Коренева, Н. Мыльникова. Пройдет еще какое-то время, и мы благодаря работе реставраторов, поиску сотрудников музеев наверняка услышим новые имена, увидим воочию новые произведения живо интересующей нас эпохи.

Жизненные реалии, присутствующие на этих полотнах, говорят нам о быте, истории уездных городков России, свидетельствуют о высоком художественном уровне русской живописи. Этих пышнотелых купчих, мрачновато-важных купцов, богатых чиновников запечатлел для нас в драматургии гений Островского, а провинциальные художники, с чьими работами мы теперь смогли познакомиться благодаря труду реставраторов, добавили свою страничку к истории, к произведениям великого писателя.

Один из обширнейших разделов выставки — старые русские города в гравюрах и рисунках XVIII — начала XX века. Москва, Петербург, Тверь, Ростов, Саранск, Нерчинск, Ярославль, Псков, Макарьев, Симбирск, Пенза, Рыбинск, Новгород, Смоленск, Рязань — вся Россия, какой увидели ее художники, предстает перед нами на этих листах. А. Васнецов, В. Суриков, И. Белоногов, А. Никонов, А. Боголюбов, десятки других художников бережно, любовно рисовали высокое небо над большими и малыми городами, синие реки, бежавшие вдоль белых кремлевских или монастырских стен. Улицы, мосты, игрушечные деревья, маленькие человечки — сколько старательной, трогательной прелести в расположении завитков на решетке сада или ювелирной точности изображения сотен сверкающих куполов. Прекрасны эти города, бесценна возможность, подаренная нам реставраторами, которыми руководила Е. Костикова, погрузиться в явь отечественного прошлого.

О реставраторах не пишут книги — их пишут о художниках, открытых реставраторами. Их имена не сияют на небосклоне искусства, как имена блестящих живописцев, чьи полотна спасли заботливые, талантливые руки реставраторов. Неблагодарный труд, скажете вы? Но возможность прикоснуться к созданиям великих, вернуть утраченную красоту людям — разве этого мало?..

▲ Пикар. Панорама Москвы.

◄ Триумфальная арка.

Е. Честняков. Коляда. Деталь. ►

Перед картинами Е. Честнякова. ▼

И. Тарханов. Портрет Н. А. Суриной.

среди книг

Наверное, так уж устроена память человека: с годами она все более властно требует оглянуться на прошлое, пристальнее и зорче вглядеться в то главное, что было пройдено и пережито. А главным в судьбе поколения В. Баскакова была Отечественная война — великая трагедия народа и величайший взлет его духа. Именно такой — трагической и героической — показывает войну в своей первой художественной книге, «Кружок на карте», В. Баскаков, через четыре почти десятилетия вернувшийся памятью в столь уже далекое, но и столь для него близкое прошлое. То, что эта книга написана фронтовиком, чувствуешь сразу. Только тот, кто сам прошел дорогами войны, может так точно и правдиво передать атмосферу, мельчайшие детали фронтовой повседневности.

Но все же не внешние — пусть яркие и зримые — приметы войны составляют главное достоинство вошедших в сборник четырех повестей: «Кружок на карте», «Эшелоны», «Ворота в небо», «Ночь перед рассветом»; не документальная их подкрепленность, порой, правда, излишне фундаментальная и подробная; не временная и пространственная широта охвата событий — от ожесточенных боев на территории нашей страны в 1942 году до Одерской и Берлинской операций. Привлекает умение автора несколькими уве-

ПЕРЕЖИТОЕ

ренными штрихами нарисовать запоминающийся образ, что особенно заметно, когда встречаешься с многочисленными (повести довольно плотно «заселены») эпизодическими персонажами. Это и старшина Горобец — думающий, волевой «младший командир, которыми гордилась Красная Армия довоенных лет и которые в большинстве своем полегли в первых пограничных сражениях»; и командир танка «маленький чернявый татарин Ахметов»; и убитая немецкой разведкой прачка Валя Гаврилина; и «трудяга» войны полковник Лебеденко... А едва мелькнувший на первых страницах образ юного лейтенанта Боева? Наше короткое знакомство с ним тут же обрывается. Лейтенант гибнет, так и не успев повоевать, не успев даже выполнить своего, по существу, первого поручения на войне — доставить к месту назначения праздничные подарки. Случайна гибель лейтенанта. Ничего не совершил он героического, но сколько жизненной правды в этом образе! И как зримо через трагическую судьбу Боева видится безжалостная сила войны, вся трагичность пережитых народом событий.

Четыре повести, четыре вполне законченных, самостоятельных произведения вошли в сборник В. Баскакова. Но я, читая эти повести, воспринимал их как единое целое, как книгу, внутренне неделимую. И не только потому, что повести связаны между собой судьбами героев, хронологической последовательностью событий — хотя и это существенно. Важнее другое — внутренняя их близость, обусловленная осмыслением прошедшего с высоты времени. Думаю, В. Баскакову стоит объединить эти повести в одно, более крупное произведение. Рельефнее станут образы героев, законченнее линии их судеб, масштабнее выступит авторская мысль, сейчас в определенной мере скованная узкими жанровыми рамками.

Однако это — дело будущего. Но и сейчас искренняя и глубоко личностная книга В. Баскакова, без сомнения, займет свое место в художественной летописи Великой Отечественной войны.

С. ЖУРАВЛЕВ,
кандидат филологических наук

В. Баскаков. Кружок на карте. М., «Советская Россия», 1982, 160 стр.

КОМАНДИРОВКА ПО ПРОСЬБЕ ЧИТАТЕЛЕЙ

Облепиха, малина и другие

«Наш сад» — под таким названием в № 32 за 1982 год был напечатан репортаж Генриетты Аловой из НИИ садоводства Нечерноземья. Репортаж вызвал многочисленные отклики читателей. В основном вопросы, содержащиеся в письмах, пришедших в редакцию, сводились к следующему. Что нового сделано в институте за прошедший год? Как избавить малину, яблони и другие плодово-ягодные культуры от вирусных заболеваний? Можно ли получить сортовой посадочный материал из этого института?

Генриетта АЛОВА

Со стопкой читательских писем я вновь появилась в Научно-исследовательском институте садоводства Нечерноземья. Признаюсь, и меня очень интересовало, какие новые исследования появились здесь за прошедший год.

— Начнем с новых сортов черной смородины с вкусными и крупными ягодами, величиной почти с вишню,— рассказывает заместитель директора института Юрий Андреевич Утков.— Средняя урожайность —3,8 килограмма с одного куста. Называется сорт «Бирюлевский», по имени места, где находится наш институт. На нашей плантации на каждом гектаре тридцать три ряда, по сто кустов. Урожай с них — двенадцать тонн. Уже сегодня он примерно в десять раз превышает среднюю цифру по всей стране. Но урожай можно и повысить — сорт рассчитан на максимальные восемь килограммов с куста.

Дальнейшее повышение урожайности зависит от правильного сочетания высококачественных сортов с продуманной агротехникой, механизированной обработкой почвы и осветлением крон кустов путем вырезки больных, полегших и лишних ветвей.

Механизация уборки ягод — важнейшая проблема. Всего год прошел, как кандидат биологических наук биохимик В. И. Деменко с болью в голосе рассказывала, насколько обидно глядеть на истекающие соком плоды облепихи, даже при ручной уборке. Так было. А теперь стоит легонько потрясти куст, как плоды падают на землю крепкими шариками.

Как добились этого ученые?

— Мы много думали,— говорит Валентина Ивановна.— Слетать ягоды облепихи с ветвей заставляют гормоны. Они находятся в каждом растении. Несколько их классов обнаружены в облепихе. Гормоны регулируют рост и развитие растений. Но облепиха лишена полноценного отделительного слоя. Нам предстояло выбрать тот гормон, без которого этот слой не создать, и дать «толчок», чтобы ягоды сами облетали, но не мялись, не теряли драгоценный сок. Все дело в том, что мы смогли индуцировать формирование того отделительного слоя, до создания которого не додумалась природа. Важно, что он находится не в вершине плодоножки, а в ее основании. Это означает, что плод отрывается от ветви вместе с плодоножкой. Мы опрыскиваем облепиху гормоном за несколько дней до созревания. Но впереди еще большая работа, так как отделительный слой появился не только у ягод, но и у листьев облепихи. А листьям полагается опадать лишь в период листопада, поздней осенью. Надо приучить листья вести себя по-прежнему. Думаю, что скоро мы справимся и с этой задачей.

Плодоуборочными машинами никого сейчас не удивить. Но этот помощник садоводов, что я увидела в НИИ садоводства Нечерноземья, выполняет самый кропотливый и медлительный вид сельскохозяйственных работ, которые если и поддаются механизации, то с большим трудом. Особенность комбайна в том, что он, не помяв, не попортив ягоду, укладывает ее в своеобразное лукошко, в котором ягоду и получает потребитель.

За световой день при хорошем урожае комбайн собирает 10 тонн хорошей чистой ягоды, к тому же упакованной к отправке.

А теперь о борьбе с вирусными заболеваниями плодово-ягодных культур. Особенно подвержена им малина. К сожалению, в некоторых районах страны она вырождается, гибнет из-за заболеваний, вызванных вирусами. 14 видов патогенных микроорганизмов постоянно угрожают ей.

— Я не ошибусь, если скажу, что основой садоводства является посадочный материал, оздоровленный отсутствием патогенных вирусов, которых мы уничтожаем в термокамере,— рассказывает руководитель группы вирусологии отдела защиты растений кандидат биологических наук А. Походенко.

Заглядываю в специальное устройство, где ярко светятся электрические лампы. Их свет отражается на стенках, обитых полированным алюминием. Деревья и кусты, сидящие в почве, снабжаются не только питательными веществами, но и ростовыми препаратами.

Вирусы, скрытые в растениях, подвергаются здесь воздействию сухой нагретой струи воздуха. В каждом отдельном случае подбирается индивидуальный режим. Те вирусы, что обосновались в яблонях, погибают уже при 38 градусах тепла, а вирусы, охочие до малины, выносливее. Некоторые выдерживают температуру до 42 градусов, причем на протяжении 30—40 суток. Для борьбы с термостабильными «малиновыми» вирусами готовится новое, более действенное «оружие».

В термокамере меня заинтересовала яблонька-однолетка с очередным новым побегом, который тянулся вверх. Я как бы присутствовала при соревнованиях между яблоней и вирусами, цель которых — принести ей гибель. Если скорость роста побега превысит скорость «бега» вирусов, а точнее, скорость их деления, приз выиграет яблонька, а с нею — ученые института. Именно так и произошло. Вирусы, ослабленные термотерапией, замедлили свое деление и несколько отстали от скорости роста побега. Они не достигли верхушки яблоньки, которая тут же была срезана. Убедившись, что в ней нет и следов вирусов, верхушку привили на здоровый подвой. То же самое можно сделать, отрезав от яблони безвирусную почку-глазок и привив ее в термокамере на безвирусное растение.

У вирусологов есть, если можно так выразиться, зеленый санаторий, куда переселяются недавние «жители» термокамеры, обретшие в ней здоровье. На двери «санатория» — дощечка с надписью «Суперэлита плодовых культур». За нею теплица, где целый сад. Саженцы яблонь, груш, слив, вишен так активно тянутся ввысь, что вот-вот достигнут кровли.

Неподалеку от этой теплицы — другая, предназначенная для низкорослых растений. В ней кустики ежевики, клюква, голубика, земляника.

В редакционной почте много вопросов, связанных с земляничноклубничным гибридом — земклубникой, сортом, созданным кандидатом биологических наук Т. С. Кантор. В отличие от земляники сорта, полученные селекционером, не поражаются вредителями — так называемыми мучнистой росой и серой гнилью. Ни в термокамере, ни в теплице, которую я назвала санаторием, земклубники не было. Оказывается, гибриды, избавленные от приставшихся к ним вирусов, еще в прошлом году плодоносили на институтской плантации и на участках некоторых садоводов-любителей. Нынешней осенью в Бирюлеве будет свежий посадочный материал — усы земклубники.

Почему-то многочисленные авторы писем никак не возьмут себе в толк, что гибриды размножаются, как и земляника, вегетативным путем — усами. Их опускают в подготовленную почву, где каждый укореняется. И поэтому не надо настойчиво просить прислать семена, которых нет.

Из земклубники получается особенно хорошее варенье. Ягоды не развариваются, по цвету и форме почти не отличаются от свежих. Плотность плодов выше земляники. Поэтому при транспортировке и переработке они не теряют сока.

Ягоды земклубники хороши и тем, что при задержке сбора они не загнивают, а подсыхают на плодоножках, стоящих торчком. К тому же они зимостойкие, особенно «Пенелопа», «Надежда Загорья», «Мускатная бирюлевская».

И, наконец, последний вопрос: как получить посадочный материал?

Посадочный материал отпускается организациям для членов общества садоводов-любителей, членов общества испытателей природы по официальному письму в институт, посланному через указанные общества. За усами земклубники, например, при мне приезжали из общества любителей-садоводов из Архангельска, звонили из дирекции автозавода в Кременчуге и выражали намерение наладить в своих теплицах промышленное выращивание гибридов земклубники.

М. Савченкова. Род. 1917. СЕМЬЯ ТРАКТОРИСТА.

К. Шаяхметов. Род. 1928. РЫБАЧКА САУЛА.

Неоконченный портрет

РОМАН

Книга 1-я

Александр ЧАКОВСКИЙ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

Так называется новый роман лауреата Ленинской премии писателя Александра Чаковского. Первая книга этого романа публикуется в сентябрьской книжке журнала «Знамя».

В апреле 1945 года 32-й президент США Франклин Делано Рузвельт позировал перед художницей Шуматовой, создававшей его портрет. Обратившись к этому эпизоду из жизни американского президента, автор романа, проникая в многочисленные воспоминания Рузвельта, воссоздает страницы личной и общественной жизни этого выдающегося государственного деятеля, осмысливая главным образом его прогрессивную политику по отношению к Стране Советов, понимание необходимости мирного сосуществования.

Внезапная смерть президента оборвала работу художницы над его портретом. Отсюда — название романа.

Но название романа подчеркивает также и то, что автор не стремился к подробному жизнеописанию Франклина Рузвельта, к исчерпывающей характеристике сложного и во многом противоречивого характера этого яркого представителя капиталистического мира.

Ниже публикуется отрывок из романа «Неоконченный портрет».

Глава 1

ЭТО БЫЛ НЕ ОБМОРОК...

В то утро — 12 апреля 1945 года — Рузвельт проснулся рано. Первым, пока еще подсознательным ощущением была радость, что он здесь, в своем любимом Уорм-Спрингз, более чем в тысяче миль от Вашингтона.

Это место, расположенное близ Атланты, штат Джорджия, Рузвельт открыл для себя много лет назад. Еще в 1924 году он узнал, что есть на свете заброшенный богом и людьми провинциальный курорт для больных полиомиелитом. В те далекие годы он еще верил, что физические упражнения, в особенности плавание, вернут жизнь его омертвевшим ногам. Уорм-Спрингз славился своими целебными горячими источниками, и Рузвельт надеялся, что они помогут.

Когда он стал купаться в источнике, его мертвые ноги действительно ожили. Улучшение продолжалось довольно долго, но оказалось все же лишь временным. Потом Рузвельт не раз приезжал в Уорм-Спрингз. Но в конце концов понял, что все его усилия тщетны. Он изнурял себя водными процедурами, гимнастикой, руки его стали необыкновенно сильными, железному торсу мог позавидовать любой тяжелоатлет, но ноги... Как и раньше, он передвигался на костылях, потом заковал ноги в специальные ортопедические аппараты — почти пять килограммов металла! Но и в них он мог двигаться лишь с посторонней помощью. В конце концов пришлось прибегнуть к коляске.

Несмотря на разочарование, постигшее его в Уорм-Спрингз, Рузвельт полюбил это место — его тишину, густые сосны, мерное журчание воды... Президент обращал не слишком много внимания на то, что его окружали убогие деревянные постройки. Единственным каменным зданием была старомодная, давно не ремонтированная трехэтажная гостиница. Для Рузвельта выстроили коттедж, вернее, несколько коттеджей, в том числе для гостей и для обслуживающего персонала. В 1927 году усилиями будущего президента был создан лечебный центр для жертв полиомиелита — «Джорджия Уорм-Спрингз Фаундейшен». Как утверждали, Рузвельт затратил на это две трети своего состояния.

...Теперь президент лежал в постели, наслаждаясь мыслью, что он так далеко от Вашингтона. Все было бы ничего, если бы не сильная головная боль. Голова болела, вероятно, оттого, что он плохо спал. По правде говоря, он чувствовал себя усталым и измученным. Совсем недавно он преодолел тысячи миль, посетил Ялту, где участвовал в Конференции руководителей трех союзных держав, которой — Рузвельт был уверен в этом — предстояло обеспечить благополучие послевоенного мира.

Президент надеялся отдохнуть, вернувшись в Вашингтон, но это оказалось нереальным — на него тотчас легло бремя бесчисленных новых забот.

Только теперь ему наконец удалось вырваться в свой любимый Уорм-Спрингз. Здесь он рассчитывал хоть немного прийти в себя.

Сегодня Рузвельт, в сущности, мог бы еще поспать — негр Артур Приттиман, камердинер президента, с вечера предупредил его, что самолет с очередной почтой из Вашингтона задерживается ввиду нелетной погоды. Но хоть президент и не выспался, болезненная тяжесть в затылке мешала ему снова заснуть.

— Артур! — позвал он.

Приттиман появился тотчас же. Он был одним из людей, беззаветно преданных Рузвельту. Вообще все, кто составлял ближайшее окружение президента, были ему преданы. Рузвельт обладал удивительным свойством на всю жизнь привязывать к себе людей.

— Доброе утро, мистер президент! — с улыбкой сказал Приттиман.— Все в порядке?

Жаловаться на головную боль Рузвельт не стал. Об этом тотчас узнал бы врач — нет, не личный врач президента Росс Макинтайр, а его помощник, молодой кардиолог Говард Брюнн, последнее время сопровождавший президента повсюду. Макинтайр остался в Вашингтоне, но никто в Соединенных Штатах не должен был знать, что президент на неопределенное время покинул столицу. Для миллионов американцев Рузвельт находился по-прежнему там, в Белом доме, за своим рабочим столом в Овальном кабинете.

— Почта не пришла? — на всякий случай спросил Рузвельт и, не дожидаясь ответа, попросил:— Принеси мне местную газету. И завтрак. Все как обычно: яичницу с беконом и кусочек поджаренного хлеба.

В еде Рузвельт был постоянен и неприхотлив.

— Слушаюсь, сэр,— отозвался Приттиман. Выйдя, он тотчас вернулся с газетой.— Завтрак будет сейчас готов, сэр.

Президент посмотрел на часы. Вставать он не торопился. Люси и Шуматова должны были прийти только после полудня — художницу не устраивало утреннее освещение. Шуматова уже три дня рисовала его акварельный портрет, и каждый день он видел Люси.

После того, как доставят почту, он будет диктовать Грэйс Талли речь, которую ему предстоит произнести на Конференции в Сан-Франциско. Наконец, самое приятное — обед на лужайке у «Коламбус хайвэй». Главным блюдом будет «барбекью» — мясо, зажаренное на вертеле. На этот раз, кажется, зажарят поросенка.

Быстрым взглядом Рузвельт окинул первую страницу газеты «Атланта конститьюшн». Агентство Ассошиэйтед Пресс сообщало, что разгром нацистских армий продолжается, что русские на подступах к Вене, а Девятая американская армия — в пятидесяти семи милях от Берлина. Гитлеровцы охотно сдаются в плен американцам и англичанам на западе, но продолжают ожесточенно сражаться с войсками Жукова и Конева, которых отделяют от Берлина всего тридцать две мили.

Рузвельт со снисходительно-ироническим чувством подумал о Черчилле, который сейчас, может быть, тоже читает эти сообщения в английских газетах и раздражается по поводу того, что его «балканский вариант» вторжения в Европу так и не состоялся...

Президент пробежал другие страницы газеты и с досадой отметил, что она не опубликовала очередное коммюнике из Белого дома. Несколько таких «камуфляжных» коммюнике было заготовлено заранее, чтобы регулярно печатать их во всех газетах и создавать впечатление, будто Рузвельт пребывает в столице.

Приттиман принес завтрак на маленьком узком столике, который удобно устанавливал-

ся на кровати, привычным движением приподнял голову президента и взбил подушку.

...Потом пришел доктор Брюнн. В руке он держал традиционный кожаный саквояж. На лице врача играла профессиональная улыбка, с которой медики обычно встречают пациентов, заранее внушая им мысль, что у них все в порядке. Как и его непосредственный начальник, главный врач Белого дома Росс Макинтайр, Говард Брюнн хорошо знал своего подопечного. Еще произнося слова приветствия, Брюнн заметил, что губы президента и ногти на пальцах рук отдают легкой синевой.

Доктор выслушал Рузвельта, потом бросил стетоскоп в саквояж и достал аппарат для измерения кровяного давления. Особых перемен в состоянии здоровья президента Брюнн не нашел. Однако он привык судить об этом не только по данным обследования, но и по ряду других специфических признаков. Брюнн заметил, что у президента временами расслабленно отвисала нижняя губа. Иногда создавалось впечатление, что он стал хуже слышать. Раньше Рузвельт был весел, разговорчив и охотно обменивался с врачом мыслями о текущих событиях. Но в последние дни он все чаще был безразличен ко всему, как будто не ощущал прикосновений врача и даже, кажется, не замечал его присутствия. Вообще он чувствовал себя явно хуже. Видимо, сказывалась усталость — результат огромного физического и умственного напряжения, которое не прошло бы бесследно даже для вполне здорового человека.

— Что ж, объективно все в порядке, мистер президент,— подчеркнуто жизнерадостно сказал Брюнн, покончив с измерением давления.— А как вы себя чувствуете? Никаких неприятных ощущений?

Брюнн знал, что президент очень редко жаловался на дурное самочувствие. Казалось, что и тяжелая болезнь никак не повлияла на его дух — обычно Рузвельт держался бодро, часто шутил и смеялся. Его склонность к юмору в самых затруднительных ситуациях была известна всей стране, так же как сила воли и ясность ума.

— Итак, ничего неприятного? — повторил свой вопрос Брюнн.

— Все спокойно, док,— ответил Рузвельт и, немного помедлив, добавил: — Вот только побаливает голова.

— Ну, с этим мы быстро справимся,— весело ответил Брюнн, словно желая подчеркнуть, что недомогание такого рода не столь уж большая беда.— Приподнимите, пожалуйста, голову, мистер президент.

После массажа шейных мышц Рузвельт почувствовал, что боль действительно прекратилась. Он поблагодарил врача и пригласил его к обеду. Когда Брюнн ушел, президент позвал Приттимана.

— Будем одеваться, Артур,— сказал он.— Художница еще не приехала?

— Она уже в гостиной, сэр,— ответил камердинер.

— Прекрасно,— сказал Рузвельт.— Значит, все собрались?

— Да, господин президент. Все.

Этот старый негр провел долгие годы возле президента и отлично знал, какой смысл вкладывает его хозяин в короткое слово: «Все». Сегодня Рузвельт имел в виду только одного человека — Люси Разерферд. Именно она летом позапрошлого года привезла к нему в Белый дом свою приятельницу Елизавету Шуматову, художницу русского происхождения. Люси уговорила президента согласиться на несколько сеансов, сказав, что хочет иметь его акварельный портрет.

Когда это было необходимо, Рузвельт умел отказывать министрам, финансовым и индустриальным магнатам, членам своей большой семьи, самому себе, наконец. Только Люси он не мог ни в чем отказать. Эту женщину он полюбил, когда еще был молод, до проклятой болезни. Тогда он мог, как все люди, передвигаться без костылей, без ортопедических футляров, без унизительной помощи сотрудников личной охраны.

Долгие годы он прожил в борьбе с болезнью. Но та давняя любовь, целиком захватившая его, не прошла. О ней знали все люди, близкие к Рузвельту. Знала о ней и его жена Элеонора. С ней было когда-то тяжелое объяснение. Но с годами Элеонора, кажется, поняла, что даже такой сильный и властный человек, как ее муж, не в состоянии вырвать из сердца эту любовь. Может быть, Элеонора надеялась на то, что ее мужу с каждым днем станет все труднее встречаться с Люси и что это постепенно сведет на нет их отношения.

...В одной из комнат коттеджа были установлены телефоны — в том числе прямой связи с Белым домом и Хайд-Парком. Брюнн разговаривал со своим шефом Макинтайром. За долгую и безупречную медицинскую службу в военно-морском флоте доктору Россу Макинтайру было присвоено звание вице-адмирала. Сейчас Брюнн докладывал ему о только что проведенном утреннем осмотре президента. Из-за тонкой перегородки до секретарей Рузвельта — Билла Хассетта и Грэйс Талли — доносились отдельные слова: «Давление 180 на 110... Со стороны сердца все то же — расширение и шум... Да, сэр. Конечно, сэр...»

...Приняв с помощью Приттимана ванну, Рузвельт одевался. Он знал, что должен быть одет точно так же, как и в предыдущие три дня: темно-серый костюм, красный — «гарвардский» — галстук и темно-синяя с металлическими пряжками накидка. Военные моряки подарили ее президенту много лет назад — такие накидки выдавались офицерам военно-морских сил,— и на ней особенно настаивала Шуматова. Она сказала, что будущий портрет так и будет называться: «Президент в накидке».

Мысль о том, что ему опять придется в течение часа терпеть суетливую и не в меру разговорчивую художницу, совсем не улыбалась президенту, но идея портрета принадлежала Люси, и этим было все сказано...

Тем не менее Рузвельт с раздражением думал о том, что он снова должен будет вынужденно бездействовать в течение часа и покорно подчиняться всем требованиям художницы («Чуть ниже голову, господин президент... А теперь чуть выше... Нет, не так, поверните, пожалуйста, голову направо...»). Если бы он мог при этом все время глядеть на Люси, которая, как и в прошлые три дня, будет сидеть на кушетке напротив его кресла...

Люси хорошо понимала состояние Рузвельта. Еще перед началом первого сеанса она сказала:

— Постарайтесь отвлечься, господин президент,— на людях она обращалась к нему только так,— думайте о чем-нибудь интересном и важном. Сидите и вспоминайте!..

Легко сказать!

Но Шуматова заверила его, что сегодняшний сеанс — предпоследний. Послезавтра он будет совершенно свободен... Да и сегодня ему предстоит веселый обед, своего рода пикник на лоне природы. На нем, конечно же, будет присутствовать и Люси!

Мысль об этом несколько развеселила президента.

Когда Рузвельт появился в маленькой гостиной, куда Приттиман вкатил его коляску, на лице президента была улыбка.

Как и в предыдущие дни, все женщины были уже в сборе. Маргарет Сакли, кузина президента, склонившаяся над вышиванием, отложила его в сторону. Другая кузина, Лора Делано, меняла воду в вазах с цветами. Шуматова хлопотала возле своего мольберта. На ней был застегнутый на все пуговицы тугой жакет. На левом лацкане его выделялся большой искусственный цветок.

Но президент не замечал этих женщин. Перед ним была только Люси Разерферд. Когда она увидела Рузвельта, в ее глазах появился особый, им одним свойственный радостный блеск. Люси сидела на диване, держа сплетенные руки на коленях и напряженно выпрямившись. Когда президент наконец появился, она с облегчением откинулась на спинку дивана.

Почти всем, кто был в комнате, показалось, что хозяин дома весел и любезен. Он, как всегда, приветливо поздоровался с женщинами, шутливо осведомившись насчет поросенка, предназначенного для «барбекью».

С помощью Приттимана Рузвельт перебрался из коляски в свое кресло. Шуматова торопливо надела рабочий халат. На мольберте был туго натянут лист бумаги с почти уже оконченным портретом президента. Однако художница считала, что работа еще далеко не завершена — ей никак не удавалось найти выражение глаз, как следует высветить лоб, передать цвет «гарвардского» галстука, воспроизвести накидку президента со всеми ее складками. Стул-«тренога» уже был расставлен перед мольбертом, рядом на низком столике лежали этюдник, палитра, набор кистей, карандаши, губка, стояла миска с водой...

Говоря по-английски почти без акцента, Шуматова сказала президенту, что сегодня намерена «помучить» его несколько дольше, чем вчера.

— Только не за счет времени, предназначенного для «барбекью»,— шутливо ответил президент.— Поросенок может пережариться.

Художница уселась на свою «треногу» и, прежде чем приняться за работу, пытливым, профессиональным взглядом впилась в лицо президента. Она поняла, что первое впечатление, которое произвел на нее президент, обмануло ее...

Ей хотелось написать Рузвельта таким, каким его знали вся Америка, весь мир: большой, открытый, ясный лоб, чуть удлиненный, лишенный морщин подбородок, участливый и вместе с тем иронический взгляд, легкая улыбка, обнажающая ровные зубы, белые, несмотря на то, что президент был завзятым курильщиком... Она знала: именно таким его всегда видела и любила Люси.

Но сегодня, хотя президент и появился с приветливой улыбкой, хотя он и шутил, Шуматова не могла не заметить, что у него набрякли мешки под глазами, что на губах синева, а в глазах — глубокая, безмерная усталость...

Подчиняясь инстинкту художника, Шуматова невольно стала несколько иначе писать лицо президента, приближая его к тому, которое сейчас наблюдала.

Но тут же она почувствовала, что поступает неверно.

Безвольно опустив кисть, забыв вытереть ее и не замечая, что краска тяжелыми каплями падает на пол, Шуматова думала: «Нет, не такого портрета ждет Люси. Она не захочет, наверняка не захочет, чтобы человек, который для нее дороже всего на свете, предстал перед глазами ее дочери в часы своего глубокого заката...»

Шуматова попробовала восстановить тот облик Рузвельта, который, как ей казалось, в общем, удался во время первого сеанса. Она попросила президента повернуться в четверть оборота к окну, потом — вполоборота. Она вскочила со стула, подбежала к Рузвельту и, бесцеремонно обхватив его голову, попыталась откинуть ее назад, чтобы исчезли морщины на скулах и шее.

Все равно она не видела того, что ей хотелось увидеть. Тогда Шуматова прервала работу над лицом президента и сосредоточилась на галстуке и складках накидки. Она старалась воспроизвести красный цвет галстука и темно-синюю материю накидки с такой же естественностью, как на картинах старых мастеров.

Рузвельт, в свою очередь, почувствовал, что работа у художника сегодня не клеится.

— Как говорят в Голливуде,— пошутил он, чтобы разрядить обстановку,— я сегодня, кажется, не киногеничен.

— У нас еще есть время,— торопливо ответила Шуматова.— Я имею в виду, конечно, мое время,— тут же смущенно поправилась она.— Если господин президент не очень торопится...

— Я никуда не тороплюсь,— на этот раз без улыбки, неожиданно серьезно произнес Рузвельт.

— Разумеется,— подхватила Шуматова.— Ведь вы в отпуске. После такой сверхчеловеческой работы вы имеете полное право...

— Да, я в отпуске,— медленно произнес Рузвельт и, помолчав, добавил: — Люди всегда стремятся использовать свой отпуск, прежде чем подать в отставку.

Он произнес эти слова задумчиво и тихо, но они прозвучали, как отдаленный раскат грома.

Люси с испугом посмотрела на президента.

Маргарет Сакли попыталась обратить слова президента в шутку.

— Ты намерен стать безработным? — добродушно спросила она.— Скучаешь по началу тридцатых?

Президент молчал, полуопустив тяжелые, неестественно набрякшие веки. Казалось, он никого не слышал и ничего не видел.

Но это только казалось... Слова Дэйзи — так президент называл Маргарет Сакли — и в самом деле вернули его мысли к страшному для Америки кризису, разразившемуся в конце двадцатых — начале тридцатых годов.

Дэйзи повторила свой вопрос, она всячески старалась вывести президента из того странно-задумчивого, отрешенного состояния, в которое он неожиданно впал.

— Нет,— покачав головой, сказал Рузвельт,— стать безработным я не собираюсь.

— Что же ты будешь делать? — настойчиво продолжала спрашивать Дэйзи. Она была рада, что все-таки втянула президента хоть в какой-то разговор.

Рузвельт внимательно посмотрел Дэйзи прямо в глаза и очень серьезно сказал:

— Если бы это зависело только от меня, я хотел бы возглавить Организацию Объединенных Наций. Война скоро кончится. Теперь на повестке дня — будущее мира. Впрочем,— Рузвельт улыбнулся,— я еще не уверен, доверят ли мне эту работу.

Все облегченно вздохнули. Президент вновь шутил.

Тем временем в гостиную вошел Билл Хассетт, один из секретарей президента. В руках у него была груда пакетов, конвертов и бандеролей. Это означало, что почта из Вашингтона наконец пришла. При виде Хассетта Рузвельт сразу оживился. Он вцепился руками в подлокотники кресла, словно собираясь встать на ноги, подался навстречу Хассетту и с улыбкой сказал:

— Наконец-то! Что случилось с этим самолетом?

— В Вашингтоне со вчерашнего дня необычный туман,— ответил Хассетт.— Самолет поднялся, как только появилось небольшое «окно». Я говорил с пилотами.

— А я уж подумал, что его преследовали немецкие истребители,— пошутил Рузвельт.

— Им сейчас не до этого, мистер президент,— в тон ему отозвался Хассетт.

— Очень жаль, что это проклятое «окно» все же появилось,— вздохнул Рузвельт. Кивнув на обильную почту, которую все еще держал в руках Хассетт, он добавил: — Здесь одного только чтения на час.

Хассетт свалил почту на письменный стол, стоявший позади кресла, в котором сидел президент, вышел из комнаты и через минуту вернулся с небольшой, невысокой конторкой. Он установил ее почти вплотную к ногам Рузвельта, поставил на нее чернильницу с тушью, положил рядом ручку, а также несколько пакетов, предварительно отрезав их края длинными ножницами.

Рузвельт углубился в чтение. Шуматова, обрадованная тем, что в ее распоряжении остается еще не менее часа, возобновила работу.

После того, как Рузвельт пробежал глазами содержание первых пакетов, на лице его появилась недовольная гримаса. В одном из конвертов были приказы о назначении почтмейстеров. По американской традиции, их должен был назначать сам президент. Некоторые документы Рузвельт подписывал тушью и полным именем, другие—своим знаменитым «Ф. Д. Р.». Хассетт брал бумаги со стола и раскладывал на полу.

— Простите,— сказал он в ответ на полный недоумения взгляд Шуматовой,— но необходимо, чтобы это сырое белье просохло.

«Сырое белье» — так было принято называть официальные бумаги, которые президент подписывал тушью.

Президент подписал одобренный Конгрессом законопроект о предоставлении государственных кредитов одной из корпораций, занимающейся проблемами продовольствия.

Далее шли приказы о награждении солдат и офицеров, отличившихся во время военных операций в Европе. Эти документы президент подписал с особым чувством, полностью начертав свое имя: «Франклин Д. Рузвельт»...

Хассетт продолжал раскладывать на полу «сырое белье» и собирать те бумаги, на которых подпись уже просохла. Он невольно отметил, что в тех случаях, когда президент подписывался полностью, рука его как будто немного дрожала.

Наконец письменный стол опустел и на полу уже не осталось ни одного документа. Рузвельт спросил:

— Надеюсь, это все? Газеты я посмотрю позже.

— Вчера вы распорядились, сэр, дать вам на подпись еще один документ,— ответил Хассетт.

— Какой еще документ? — недовольно спросил Рузвельт. И сразу умолк. Он понял, о чем говорит Хассетт. Это было письмо Сталину — ответ на короткое, исполненное обиды послание советского лидера, которое пришло меньше недели назад.

Обида — Рузвельт не мог этого не понимать — была нанесена не только Сталину, но и всему Советскому Союзу. Речь шла о состоявшихся в Берне закулисных переговорах между представителями западных союзников и фашистской Германии. Темой переговоров, которые велись в тайне от Советского Союза, фактически была сепаратная капитуляция Германии перед Англией и Америкой.

Ответное письмо Сталину Рузвельт написал еще вчера. Потом изменил редакцию некоторых абзацев. Потом переписал целиком.

Рузвельт уже хорошо изучил Сталина не только по переписке, но и по личным встречам — в Тегеране и в Ялте. Он гордился тем, что у него установились, пусть не лишенные серьезных разногласий, но все же дружелюбные и даже доверительные отношения с этим человеком, который умел быть резким, прямолинейным, бескомпромиссным и в то же время мягким, даже обаятельным, готовым идти на уступки во имя единства между союзниками.

Сталин олицетворял в глазах Рузвельта и героизм советских солдат, и муки, которые пришлось перенести его народу, и грядущую победу над фашистской Германией. В отношениях с ним Рузвельт видел не только символ единства союзников. Эти отношения подтверждали, что был прав, когда двенад-

цать лет назад добился признания Соединенными Штатами Советской России. Он видел в этом залог мира и дружбы с Россией и в послевоенное время...

Теперь на отношения с Советским Союзом легла тень взаимного недоверия. Отвечая на двусмысленное поведение правительства Америки («бернский» инцидент!), Сталин отказался последовать примеру других стран и прислать на предстоящую Конференцию в Сан-Франциско своего министра иностранных дел. Теперь Россию будет представлять в Сан-Франциско не министр, а посол...

Но как бы то ни было, Сталину следовало ответить, и как можно скорее.

...Хассетт принес подготовленный проект, и Рузвельт, перечитав его, наконец остался доволен. Письмо получилось вежливое и дипломатически тонкое. «Берн» трактовался в нем как мелкий инцидент на фоне того главного, что связывало в этой войне Соединенные Штаты и Советский Союз. Рузвельт перечитал написанные им строки, которые задавали тон всему письму: «Благодарю Вас за Ваше искреннее пояснение советской точки зрения в отношении бернского инцидента, который, как сейчас представляется, поблек и отошел в прошлое, не принеся какой-либо пользы. Во всяком случае, не должно быть взаимного недоверия и незначительные недоразумения такого характера не должны возникать в будущем. Я уверен, что, когда наши войска установят контакт в Германии и объединятся в полностью координированном наступлении, нацистские армии распадутся».

Рузвельт дочитал письмо до конца и тщательно вывел тушью свою полную подпись.

— Отправь! — сказал он Хассетту, протягивая ему письмо.

Потом посмотрел на часы.

— В нашем распоряжении,— обратился он к усердно работавшей своими кистями Шуматовой,— пятнадцать минут. Не больше.

Шуматова пришла в отчаяние. Она все еще билась над складками на накидке президента и цветом его галстука. О лице она на время как бы забыла. Но то, что сейчас сказал президент, испугало ее. Кто знает, согласится ли он позировать ей завтра?..

Рузвельт посмотрел на Люси. Она приветливо улыбнулась ему в ответ, но тут же заметила, что взгляд Рузвельта неожиданно погас. Президент смотрел теперь не на нее, а куда-то в пустоту. Так смотрят слепые, которых порой трудно отличить от зрячих...

Люси не знала, что в это мгновение голову президента пронзила острая боль. Та же боль в затылке, что и утром, только гораздо сильнее. Люси показалось, что президент сник и сидел в своем кресле совсем не так, как несколько минут назад.

Неугомонная Шуматова тоже заметила это, быстро подошла к Рузвельту и укоризненно сказала:

— Вы опять изменили позу, господин президент.

Она стремительно разгладила новые складки, появившиеся на накидке, и вернулась на свое место.

— Очень болит голова...— глухо сказал Рузвельт. Он закрыл глаза. Лицо его исказила гримаса страдания. И все же никто еще не понимал, что с ним происходит. Даже когда его рука упала с подлокотника и безвольно свесилась.

Маргарет Сакли спросила:

— Ты что-нибудь уронил?

Президент открыл рот, но не произнес ни звука.

— Франклин, что с тобой?! — с дрожью в голосе воскликнула Люси и подбежала к Рузвельту. Маргарет Сакли отбросила свое вязание и тоже вскочила с места.

— Что с тобой? — уже во весь голос крикнула Люси.

Но Рузвельт был без сознания и только тяжело, с хрипом дышал.

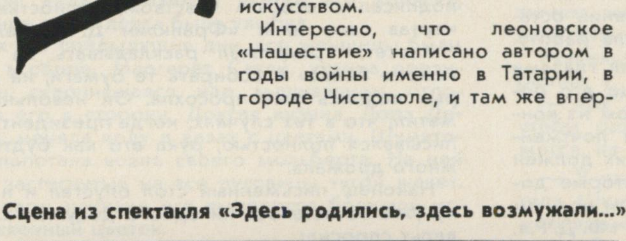
Шуматова бросилась вон из комнаты. Первым, кого она увидела, был Бири, сотрудник охраны президента.

— Врача, врача! — истерически закричала Шуматова.— Скорее врача. У президента обморок!..

Окончание следует.

гастроли

У совести вариантов нет

Интересными, хорошо поставленными и сыгранными спектаклями порадовали московских зрителей артисты Татарского государственного ордена Ленина академического театра имени Г. Камала.

Восемь отобранных из основного репертуара и включенных в гастрольную афишу пьес театр впервые показал в столице. Мы увидели богатые содержанием, разнообразные постановки: последнюю работу — драму Островского «Бесприданница»; «Нашествие» Л. Леонова, одну из первых и лучших пьес военных лет; наконец, три талантливые, оригинальные пьесы современного татарского драматурга Т. Миннуллина, дающие широкий простор для размышлений о современности, а равно и богатые возможности для актерских свершений. Таковы публицистическая драма «У совести вариантов нет», драма «Здесь родились, здесь возмужали...» и, наконец, грустная комедия-притча «Старик из деревни Альдермеш» (постановка эта удостоена Государственной премии РСФСР имени К. С. Станиславского).

Кроме того, в гастрольную поездку вошли построенные на фольклорном материале, идущие под непрерывный смех и веселье зрительного зала комедии. Это «Беглецы» Н. Исанбета и «Казанское полотенце» — музыкальная комедия К. Тинчурина. Интересно было еще и то, что театр постоянно обращается к драматургии союзных республик. С успехом на его сцене идет психологическая драма азербайджанского писателя Анара «Лето в городе» — она тоже была включена в гастрольную встречу театра с Москвой.

Идейность и ясность режиссерского замысла (почти все спектакли созданы главным режиссером М. Салимжановым), благородная простота и изящество декораций, мелодическая музыка, сопровождавшая спектакли,— все это было встречей с настоящим искусством.

Интересно, что леоновское «Нашествие» написано автором в годы войны именно в Татарии, в городе Чистополе, и там же впервые поставлено. В исполнении артистов из Казани пьеса и сейчас сохраняет интонацию раздумья о том, как и почему смогли выстоять и победить советские люди. Интеллигентная семья доктора Таланова являет верность Родине и готовность на любые жертвы. И с редкостной выразительностью показаны судьба Федора (Р. Шарафеев), его моральное возрождение и подвиг. Зрителей очень порадовало, что автор пьесы Л. М. Леонов присутствовал на спектакле и трогательно благодарил артистов за прекрасное воплощение замысла.

Та же, по сути дела, тема морального долга, тема невозможности для настоящего человека пойти на сделку с совестью очень сильно прозвучала в масштабной постановке драмы Т. Миннуллина «У совести вариантов нет»; пожалуй, она стала как бы лейтмотивом почти всех работ театра. Сам же по себе сценический рассказ о подвиге и гибели Мусы Джалиля и его товарищей производит сильное впечатление. Темное пространство сцены (художник А. Кноблок) — словно мрак самого фашизма, принесенный в мир людей. Помост — это дорога к смерти. Она ведет на эшафот. Но это еще и дорога к бессмертию. Умирая, не умрет герой, говорит нам театр.

Повествование здесь ведется от лица современного Поэта (И. Хайруллин). Он воскрешает перед нами события тех лет и как бы силой своего воображения приводит на сцену самого героя... Устами Мусы Джалиля высказано серьезное предостережение: если люди не будут бдительны, они могут вновь встретиться с бедой; палачи и предатели снова начнут душить, уничтожать, губить все живое... Обаятельный, светлый и жизнерадостный, любящий небо, цветы, свою маленькую дочь, Муса (Р. Тазетдинов) становится живым — удивительным и покоряющим воплощением мужества. Он выполняет свой долг до конца и на эшафот идет улыбаясь, презирая врагов. На вопрос Поэта — почему герой выбрал для себя опасный участок борьбы: ведь он мог жить и бороться иначе,— Муса отвечает спокойно:

— У совести вариантов нет.

Приговоренные к казни поют песню Джалиля. Это песня-завет. Песня-прощание. Поразительная финальная сцена останется в памяти, наверное, навсегда... Смертников, одного за другим, вызывают на эшафот — их остается все меньше. И звучит песня все тише... Наконец, остается один — последний. Но он поет и один. Потом песня смолкает. Последний казнен...

Спектакль воспринимается как реквием героям. Занавес уже скрыл сцену, а зрители сидят молча, потрясенные. Такое молчание, может быть, оказалось даже выразительнее овации, которая возникла потом.

В современном спектакле «Здесь родились, здесь возмужали...» возникает все та же тема — тема совести народной. Главным ее носителем становится глава семьи потомственных нефтяников, замечательный мастер-ветеран Саттар Биккинин. Именно он, дедушка Саттар, сыгранный А. Шакировым, не дает изуродовать родную землю во имя сиюминутной выгоды...

Сцена из спектакля «Здесь родились, здесь возмужали...»

Прекрасный образ старика Альмандара в спектакле «Старик из деревни Альдермеш» создает артист Ш. Биктемиров, и тут тоже видишь воплощение лучших черт народа: ум, энергию, жизнелюбие и юмор. Лукавая улыбка старика покоряет даже Смерть, с которой он вступает в борьбу. И что же?! Смерть (артист Р. Шарафеев) пожалела Старика, дала ему отсрочку! Но человек не может жить вечно — он все же умирает; зато добрые его дела остаются на Земле. Славный этот старик из деревни Альдермеш чем-то напоминает мастера из Кламси — Кола Брюньона: то же бесстрашие и заразительное веселье, та же солнечная доброта...

Многое, очень многое можно сказать о «Бесприданнице». И прежде всего о бережном, любовном отношении режиссера Марселя Салимжанова да и всех занятых артистов в классической драме великого Островского. Зритель, к счастью своему, не встретил на сцене никаких «экспериментов»: никакого искажения авторского замысла, никаких попыток «осовременить» и «улучшить»... Великолепный актерский ансамбль увлеченно создает живые, грозные и страшные своей аморальностью образы того темного царства, где словно в темнице бьется и не находит выхода прекрасная девушка Лариса, сыгранная А. Гайнуллиной. Она добра и доверчива, горда и смела. Эти редкие качества натуры особо удивительны там, где деньги — мерило ценности человека; где все продается и покупается.

Еще одной большой удачей театра стал образ Карандышева. Герой Р. Газетдинова поразителен и даже страшен в своем ничтожестве. Особенно в сцене обеда, где видишь такую пустоту и самодовольство, такие претензии, такое стремление всех поучать, удивлять... Легко представить себе, на что способен этот человек, если получит хоть сколько-нибудь власти!

Лариса А. Гайнуллиной, прозрев, увидев, среди кого она живет, сама провоцирует Карандышева,— как бы ему «помогает» убить ее... Это очень сильная психологическая сцена: ведь только так героиня сохранит свою чистоту, свое моральное превосходство над окружающими. Она не согласна превратиться в вещь, которую можно купить. И — прекрасная находка режиссера — в момент смерти Ларисы мы в первый раз видим кусочек голубого неба. И понимаем, что прекрасная девушка ушла от гибели моральной...

На вопрос: каковы дальнейшие планы театра,— главный режиссер М. Х. Салимжанов сказал, что они хотели бы осуществить на своей сцене «Мои университеты» Горького...

Наверняка появится еще один интересный и серьезный спектакль. И хочется, чтобы все замыслы театра сбылись... Правда, тут предстоит много сложностей. Удивительно, но этот сильный творческий коллектив у себя в Казани до сих пор не имеет достойного помещения. Много лет строится новое театральное здание. Но еще неизвестно, когда смогут, наконец, войти в него артисты. И, конечно, зрители...

Ф. КОВАРСКАЯ

РОСПИСИ БАХОДЫРА ДЖАЛАЛОВА

Сравнение жизни с морской стихией ныне вряд ли покажется кому-либо оригинальным. Но истинный художник всегда найдет образ свежий и интересный, который позволит иначе взглянуть на устоявшееся впечатление.

Недавно в Ташкенте вышел поэтический сборник под названием «Волны жизни». На обложке эти «волны» представлены художником в виде танцующих девичьих фигур. Красавицы смуглы, чернобровы, у большинства — сорок традиционных невестинских косичек, а у их русской подруги — золотистая коса. Ярко-золотые на аквамариновом фоне солнечные блестки напоминают о рукотворных узбекских морях, созданных совместным трудовым вкладом всех советских народов-побратимов.

Художник-оформитель этой книги — известный живописец-монументалист Баходыр Джалалов. Те же «волны жизни» можно увидеть в фойе ташкентского концертного зала «Бахор» на стенах в виде многокрасочной росписи, занимающей шестьдесят квадратных метров. Эта работа выдвинута на соискание Государственной премии СССР 1983 года.

Справедливо и авторитетно мнение народного художника УзССР, лауреата Государственной премии СССР, профессора Чингиза Ахмарова: «Монументальная роспись «Рождение танца» стала не только творческим успехом художника Баходыра Джалалова, но и значительным событием в монументальном искусстве Узбекистана последних лет».

Связь времен особенно примечательна в творчестве тридцатипятилетнего узбекского живописца. Воспитанник республиканского художественного училища имени П. П. Бенькова в течение шести лет учился в Ленинграде, в Институте живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина.

— В моем становлении как художника и, конечно же, как гражданина,— говорит он,— огромную роль сыграл замечательный живописец и педагог, человек большой души и разносторонних интересов, профессор Андрей Андреевич Мыльников. С большой благодарностью я вспоминаю также всех педагогов кафедры монументальной живописи.

В 1974 году молодой мастер был удостоен бронзовой медали ВДНХ за картину «Хотим учиться», а через два года на московской выставке «Молодость страны» его работы «Весна» и «Портрет художника Умарбекова» отмечены дипломом и поощрительной премией. Впоследствии он создает целую галерею портретов узбекской интеллигенции. Участвует в Днях советской культуры в Италии; оформляет здесь выставку Узбенской ССР, создает монументальное панно «Через тернии к звездам».

В последнее время художник создал значительные композиции, свидетельствующие о его активной гражданской позиции в борьбе за торжество идеалов коммунистического общества. Среди них роспись интерьера в здании «Узбекгидроэнергостроя» на тему «Во имя человека», картон гобелена «Торжество человеческого разума» для Дворца дружбы народов имени В. И. Ленина в Ташкенте.

Вячеслав КОСТЫРЯ

К НАШИМ ЧИТАТЕЛЯМ

В конце прошлого года редакция знакомила читателей с планами на 1983 год и просила высказать свои пожелания и замечания. Мы получили много писем на это обращение, наиболее интересные были опубликованы и учтены в нашей работе.

В эти дни, когда вся страна обсуждает итоги июньского Пленума ЦК КПСС, редакция строит свою работу с учетом новых задач, поставленных партией, готовится еще шире, разностороннее отображать жизнь нашей страны.

Вот почему мы решили обратиться к вам, дорогие читатели, с конкретными вопросами, которые помогут нам полнее учесть ваши интересы, выявить наиболее волнующие вас проблемы.

Друзья, приглашая вас на наш заочный редакционный совет, мы ждем от вас ответы на следующие вопросы:

1. «Адреса великих свершений», «Образ жизни советский» — рубрики, которые, судя по почте, привлекают внимание многих. Редакция будет рассказывать здесь о героях наших дней, об их духовном облике, о красоте человеческой. Пишите о людях интересной судьбы, о ярких фактах, рисующих наш образ жизни.

2. Напишите нам, какие нравственные проблемы возникают в трудовых коллективах в борьбе за интенсификацию производства, за улучшение качества продукции, совершенствование управления.

3. Расскажите об интересных людях, показывающих пример деловой предприимчивости, инициативы, умелого экономического мышления.

4. «Все начинается с семьи». Это одна из проблем гражданского воспитания молодежи, которую журнал будет регулярно вести. Приглашаем вас к активному разговору на темы семьи, школы, жизни молодежи.

5. О каких проблемах политической, экономической и культурной жизни стран социалистического содружества вы хотели бы прочитать в нашем журнале? «Мы — интернационалисты» — называется международный конкурс читателей, который в этом году мы проводим с журналами ГДР, ПНР и ВНР. Назовите интересные, на ваш взгляд, темы будущих конкурсов!

6. О каких странах и городах, жизни, нравах и обычаях народов мира, а также международных проблемах вы хотели бы узнать из материалов нашего журнала?

7. Редакция получает много откликов на публикации журнала под рубриками «Страницы минувшего», «Земля родная», «Писатели и книги», «Литературные заметки», «Книжные редкости». Подскажите нам конкретные темы по этим разделам.

8. Сфера обслуживания, торговля: сообщите, какие основные проблемы волнуют вас здесь?

9. О каких открытиях в науке вы хотели бы узнать подробнее? С кем из ученых вам интересно встретиться на страницах журнала?

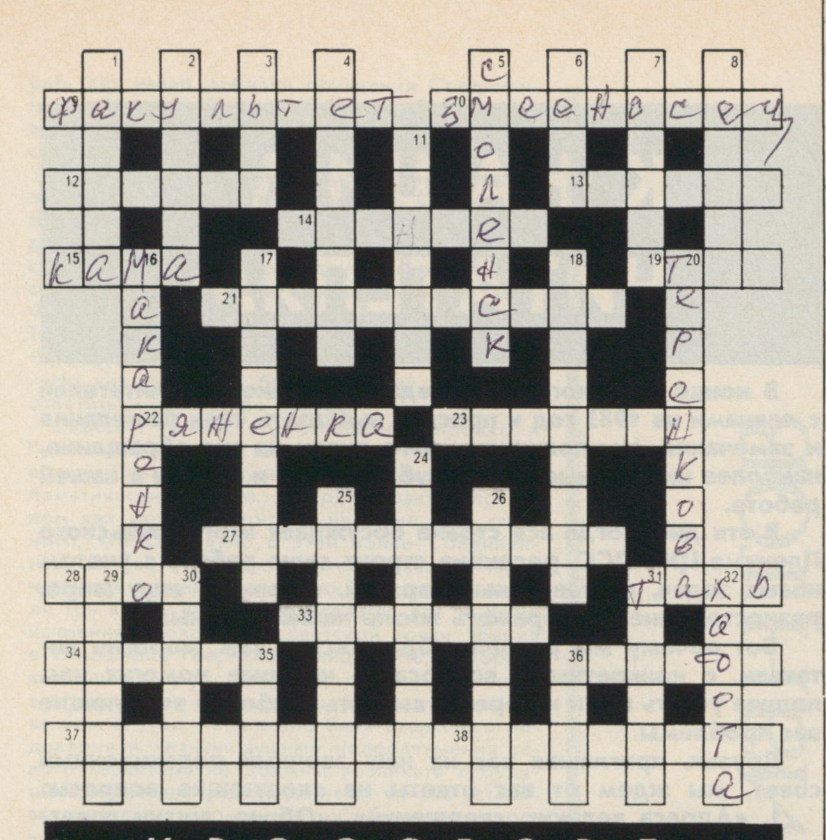
10. Какие огоньковские повести, рассказы, стихи вам понравились, произведения каких авторов вы хотели бы прочесть?

11. О каких проблемах в мире искусства должен пойти, по вашему мнению, разговор в последующих номерах журнала?

12. Журнал постоянно знакомит читателей с шедеврами живописцев русской и мировой классики, рассказывает о судьбах и творениях великих мастеров искусства, о современных советских художниках. Что бы вы хотели увидеть нового на страницах цветных вкладок «Огонька»?

13. Что вы хотели бы прочитать о физкультуре и спорте?

Пожалуйста, назовите свою фамилию, адрес, возраст и профессию.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 9. Подразделение высшего учебного заведения. 10. Экваториальное созвездие. 12. Порт в Греции. 13. Хвойный лес. 14. Стопа в античном стихосложении. 15. Приток Волги. 19. Верхняя часть капители колонны. 21. Народный артист СССР, выступавший во МХАТе. 22. Кисломолочный продукт. 23. Переработка нефти для получения моторного топлива. 27. Действующее лицо в пьесе А. Н. Островского «Бешеные деньги». 28. Вышивка, орнамент, рисунок. 31. Экс-чемпион мира по шахматам. 33. Поэма М. Ю. Лермонтова. 34. Немецкий ботаник, иностранный почетный член Академии наук СССР. 36. Сельскохозяйственное орудие. 37. Разновидность фуги. 38. Специалист, изучающий процессы и явления в обширных водных пространствах.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Старинный испанский танец. 2. Скульптор, народный художник СССР. 3. Часть реки, канала выше или ниже плотины, шлюза. 4. Произведение, излагающее исторические события в хронологическом порядке. 5. Областной центр в РСФСР. 6. Персонаж оперы П. И. Чайковского «Иоланта». 7. Гимнастический снаряд. 8. Минеральная краска. 11. Цельная каменная глыба. 16. Советский педагог и писатель. 17. Опера Р. Вагнера. 18. Руководящее указание. 20. Советский летчик-космонавт. 24. Гора в восточной части Среднего Урала. 25. Музыкальный темп. 26. Лекарственное травянистое растение. 29. Соцветие. 30. Машина для скручивания чайного листа. 31. Образцовая мера. 32. Река, впадающая в Ладожское озеро. 35. Архипелаг в Японии. 36. Перелетная птица.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 32

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Сахалин. 6. Глухарь. 7. Амфибия. 8. Новосибирск. 10. Кизим. 11. Амгуэма. 13. Цукат. 15. Коломбина. 16. Полтинник. 20. Саади. 21. Кулинар. 22. Конда. 23. Айвазовский. 26. Украина. 27. Архимед. 28. Нальчик.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Серов. 2. Амплитуда. 3. Номер. 4. Глюкоза. 5. Пилотка. 8. Нумизматика. 9. Коцюбинский. 10. Конкурс. 11. Артишок. 12. Аралсор. 14. Токката. 17. Клинопись. 18. Ракетка. 19. Инженер. 24. Ванин. 25. Курок.

На первой странице обложки: Обед комбайнеров в колхозе имени Крупской Черкасского района Черкасской области. (См. в номере материал «Не только больше, но и лучше».)

Фото Н. Козловского

На последней странице обложки: «Рождение танца» Роспись в интерьере фойе концертного зала «Бахор». Художник Б. Джалалов. (См. в номере материал «Росписи Баходыра Джалалова».)

Фото В. Турусова

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Поэзии — 250-51-45; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

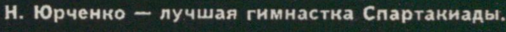
Сдано в набор 25.07.83. Подписано к печати 09.08.83. А 00702. Формат 70 × 108¹/₁₆. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 820 000 экз. Изд. № 2157. Заказ № 1006.

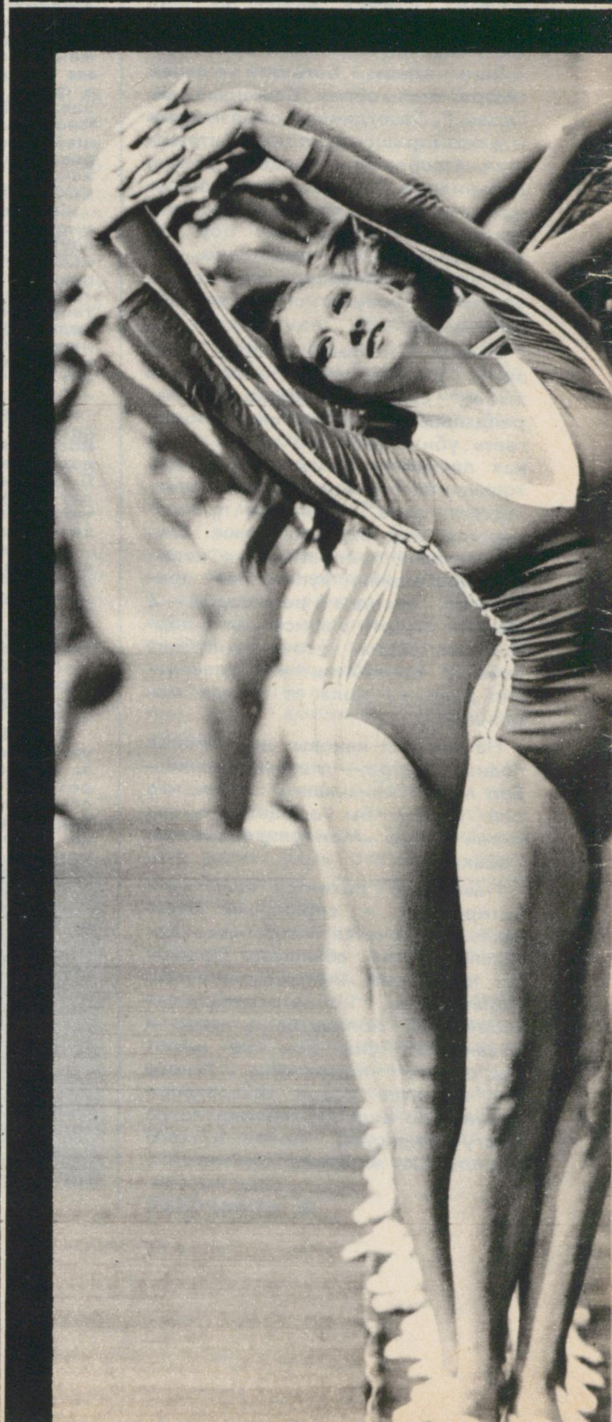
Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

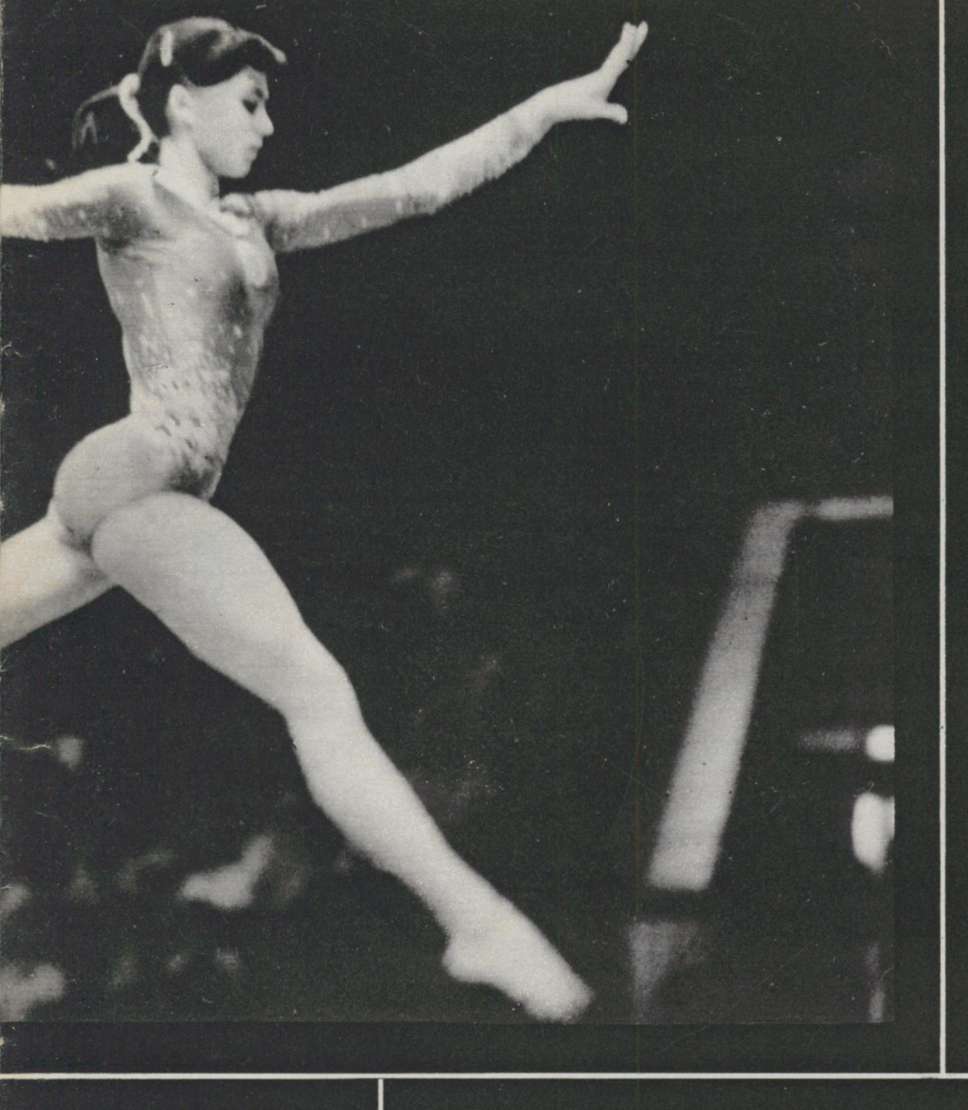
ДО СВИДАНИЯ, СПАРТАКИАДА!

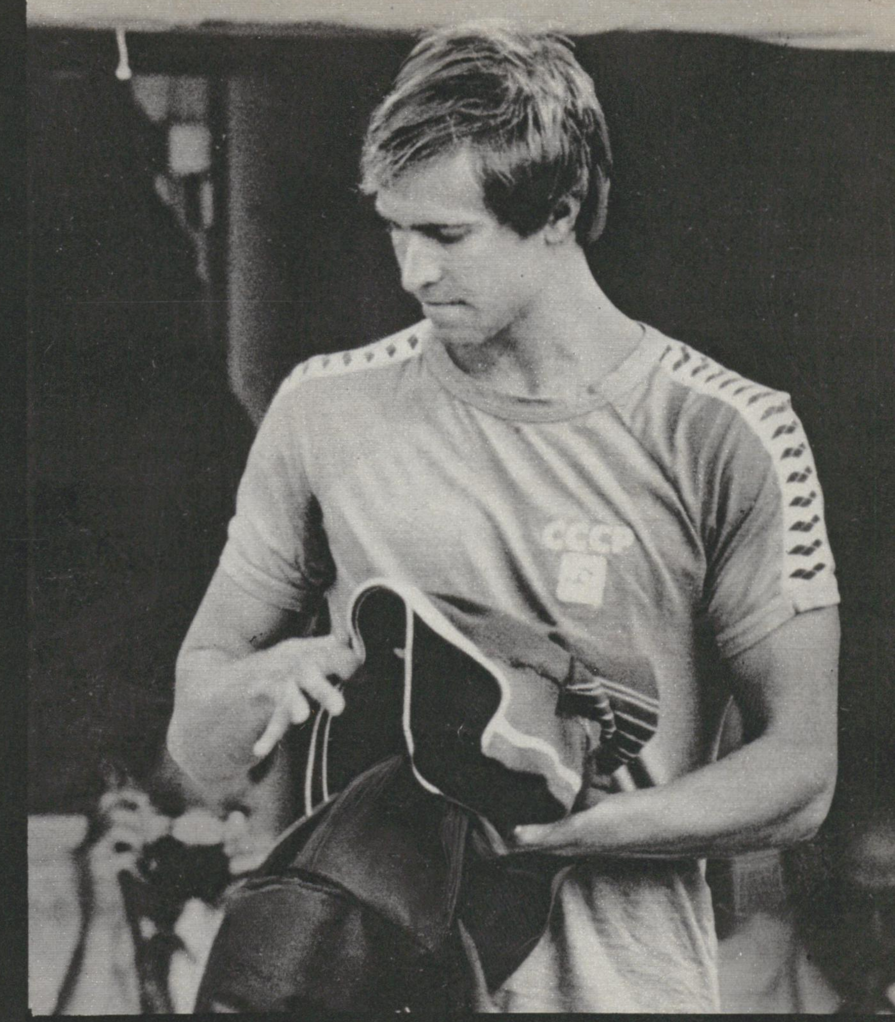

Н. Юрченко — лучшая гимнастка Спартакиады.

Пловец В. Сальников победил на дистанциях 400 и 1500 метров вольным стилем.

На открытии VIII летней Спартакиады народов СССР.

В. ВИКТОРОВ

Фото А. БОЧИНИНА

6 августа в Центральном концертном зале «Россия» в последний раз собрались вместе участники VIII летней Спартакиады народов СССР для того, чтобы приветствовать победителей и отпраздновать окончание крупнейших комплексных соревнований в истории советского спорта. На закрытии Спартакиады присутствовал заведующий Отделом пропаганды ЦК КПСС Б. И. Стукалин.

246 комплектов наград получили сильнейшие из сильнейших в ходе Спартакиады. Председатель Спорткомитета СССР М. В. Грамов вручил переходящие призы Совета Министров СССР команде России (сборная областей, краев и автономных республик), спортсменам Украины и Москвы. Переходящие призы получили также команды Казахстана и Армении.

Итоги VIII летней Спартакиады народов СССР говорят о большом успехе спортсменов России, Украины, Москвы, но не менее впечатляющи результаты. показанные спортсменами Казахстана и Армении. А разве не радует расцвет спорта в Литве? Команда Литовской ССР в своей группе вела до последних стартов борьбу за первое место. Чего стоят только три победы литовских спортсменов — в футбольном турнире, в соревнованиях по художественной гимнастике и на гребной регате! А как прекрасно выступили на ринге и на штангистском помосте армянские спортсмены!

На всех спартакиадных аренах шла вдохновенная, бескомпромиссная борьба, озаренная уважительной дружбой и желанием поучиться друг у друга, перенять все самое лучшее. В этом смысле значительный интерес представляли дни союзных республик, которые проходили в главном пресс-центре и собирали большое число аккредитованных журналистов, тренеров, гостей. Открыли эту серию встреч спортсмены России, а завершили спортсмены Литвы, Латвии и Эстонии.

На пьедесталах почета в дни Спартакиады мы видели спортсменов многих стран: Эфиопии и Нигерии, Кубы и ГДР, Монголии и Болгарии, Румынии и Корейской Народно-Демократической Республики,— порадовавших зрителей своим высоким мастерством. Начиная с VII Спартакиады наши крупнейшие комплексные соревнования стали международными.

С безукоризненной точностью выполнялся обширнейший календарь соревнований VIII летней Спартакиады, и в этой огромной эстафете жезл изо дня в день передавался из рук в руки представителями тридцати двух видов спорта. И вот 5 августа к финишу устремились конники, прыгуны в воду и пловцы. Прозвучали имена последних чемпионов.

Десятикратный чемпион Европы Д. Амбарцумян (Армения) завоевал первенство в прыжках в воду с вышки. После напряженной борьбы в выездке по программе «Большой приз» отличилась украинская всадница О. Климко, а на водных дорожках открытого бассейна в Лужниках последние медали разыграли пловцы.

Прекрасный результат в комплексном плавании на 200 метров показал А. Сидоренко (Украина), на дистанции 200 метров на спине победила также украинская спортсменка В. Клочко, и вместе с ними немало сделали для победы украинских пловцов участники мужской комбинированной эстафеты 4×100 метров. Если к этому добавить заплыв на 1500 метров вольным стилем, в котором выступил олимпийский чемпион В. Сальников, то заключительные такты Спартакиады прозвучали весьма внушительно.

В этот день я заглянул на опустевший стадион. Как непохож был его безмолвный овал на заполненную десятками тысяч зрителей арену в день торжественного открытия Спартакиады. Но тут же над пустынными просторами трибун прозвучал голос радиодиктора, приглашающего любителей спорта посетить главную спортивную арену 13 августа, в День физкультурника, который будет отмечать вся страна.

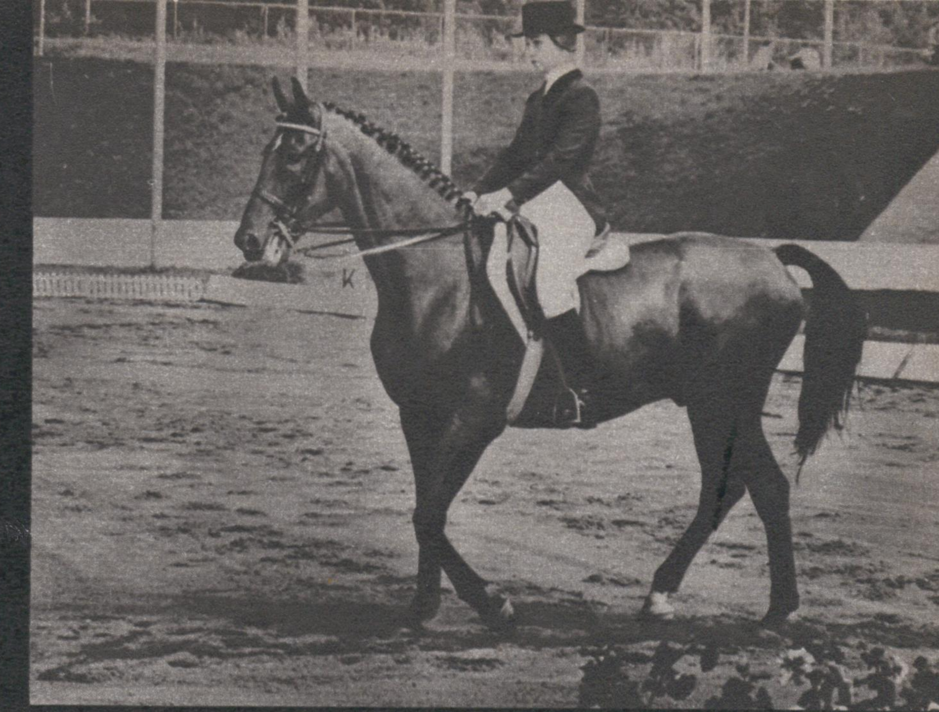
Борьбу ведут гандболисты Литвы и Украины.

19-летний велогонщик В. Куповец установил мировой рекорд в индивидуальной гонке преследования.

С. Зорина из команды Российской Федерации прыгнула в длину на 7 метров 4 сантиметра, установив рекорд Спартакиады.

Ю. Королев и Д. Билозерчев — лучшие гимнасты мира и Европы.

О. Климко (УССР) завоевала «Большой приз» по выездке.

А. Сидоренко — чемпион Спартакиады на дистанции 200 метров в комплексном плавании.

Латвийские волейболисты завоевали первенство.

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663